

Contents

John R. Mott, the American YMCA, and Revolutionary Russia: An Introduction Matthew Lee Miller	80
Песнь Свободы: «Соединенные Штаты России» в политическом воображении русско-американского авантюриста Илья Веницкий	92
Diary of a Conference, Moscow March 1991 Norman Saul	136
Book Reviews	148
Field Notes	156

John R. Mott, the American YMCA, and Revolutionary Russia: An Introduction

Matthew Lee Miller

Editor's Note: This article introduces documents published in a recent addition to the book series *Americans in Revolutionary Russia*. The title of the volume is *John R. Mott, the American YMCA, and Revolutionary Russia* (Bloomington, Indiana: Slavica Publishers/Indiana University, 2020).

John R. Mott's *Recent Experiences and Impressions in Russia* presents a collection of public addresses and letters created during his participation in a United States diplomatic mission to Russia—sent by President Woodrow Wilson and led by Elihu Root—from May to August 1917. These historical documents (printed in 1917 but never published) describe this Root Mission and offer perspectives on several momentous events and leaders of the era: World War I, the February Revolution, members of the Provisional Government, and leaders of the Russian Orthodox Church. The documents include a proposal for the Young Men's Christian Association (YMCA) to carry out a program of service among Russia's military. *Service with Fighting Men: An Account of the Work of the American Young Men's Christian Associations in the World War* (published in 1924) presents the YMCA's official description and evaluation of the work carried out in Russia in response to Mott's plans.¹

In order to provide context to the reader, this introduction provides key information on the work of the American YMCA in Russia, the role of Mott as a leader for this organization, and a survey of the association's work with soldiers during this time.² The goal of this introduction is to encourage analysis of the texts (keeping in mind that the events of November 1917 had not yet taken place by the time the first set of documents were written). Mott wrote with optimism, idealism,

¹ William Howard Taft, et al., eds., *Service with Fighting Men: An Account of the Work of the Young Men's Christian Associations in the World War*, vol. 2 (New York: Association Press, 1924), 270–82, 419–57.

² This introduction includes updated and revised material from the editor's *The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940* (Lanham, MD: Lexington Books, 2013); and “The American YMCA and Russian Politics: Critics and Supporters of Socialism, 1900–1940,” in *New Perspectives on Russian-American Relations*, ed. William Benton Whisenhunt and Norman E. Saul (New York: Routledge, 2015), 161–77.

and self-confidence—but, of course, he did not know the future. The second set of documents demonstrates how quickly events in Russia shifted in this era.

The YMCA began its service among Russian workers and students in 1900. The *Mayak* (Lighthouse) program in St. Petersburg offered a wide range of athletic, social, educational, and religious opportunities for young men. These programs reflected those offered in the United Kingdom, the United States, and around the world since the middle of the nineteenth century. Following the outbreak of the First World War, many “Y” workers expanded these services in Russia to provide humanitarian assistance to soldiers and prisoners of war. These efforts were requested by the US and Russian governments. They set up libraries, promoted athletic competitions, and organized concerts and classes for men in uniform. During the war, the YMCA staff members, known as “secretaries,” formed the largest group of Americans living in Russia.

However, the revolutionary changes of 1917 sharply increased the political tensions experienced by the association. The links of this nongovernmental organization to the US government contributed to the closure of the association on Soviet territory. After the war, Y workers continued to serve among émigrés in creative ways. They supported the development of the Russian Student Christian Movement, which brought together many young Russians from across Europe. In Paris, the YMCA supported the Orthodox Theological Institute, later named the St. Sergius Theological Academy. This was the only Russian Orthodox educational program of its kind at that time. The most well-known contribution was the YMCA Press, which published a remarkable variety of literary, philosophical, and spiritual books in Russian. The YMCA’s service among Russians is a fascinating example of Russian-American cultural relations.

This introduction presents the YMCA’s work with Russian, Allied, and Central Power soldiers within the territory of Russia from 1914 to 1919. First, it looks at the needs which the association detected and the purposes established by the leaders. It examines key developments and explores the program’s finances. Then, it looks at a few controversial issues and attempts to evaluate the Y’s war-time programs in Russia, which leads to the primary point: the YMCA faced a complex challenge in conducting a global program of philanthropy, which was made possible by the support of the US government. YMCA staff members filled controversial public roles as Americans in Russia during a politically volatile period of world war and revolution.

Mott’s convictions on the reasons why the American YMCA should serve soldiers in Russia developed well before 1917. All in all, more than six million soldiers and civilians were held in prison camps across Europe during the war. Russia held 1.5 million inside its borders, while 2.5 million Russians were held as prisoners of war or were missing in foreign countries. These numbers far exceeded the number expected by the participating countries and the resources available to provide the required services. The Hague Conventions of 1899 and 1907 defined the responsibilities for governments holding captives during a war. Those held must receive “food, quarters, and clothing, on the same footing as the troops of the Government which has captured them.” The unexpectedly high number of captives forced the nations involved to find solutions—including the participa-

tion of neutral nations. By May 1915, the United States government emerged as the only body which was capable of providing aid to these prisoners. During the first months of the war, the US policy of neutrality was interpreted to exclude any involvement with POWs. However, appeals from Europe and political influence within the US led to a revision of this position. The Department of State agreed to provide relief services for prisoners under the direction of the American Consular Service. Along with other neutral nations, US representatives would inspect prison camps, supervise the provision of supplies, and distribute financial aid to prisoners. However, American embassies in Europe lacked the personnel, infrastructure, and experience required to carry out this large-scale commitment: “The American diplomatic corps had no experience providing social welfare assistance to foreign nationals.” The Wilson administration soon realized that non-governmental organizations must participate in the program if the United States was to fulfill its agreements. The American YMCA responded to the request of the government to provide physical, mental, and spiritual assistance for war prisoners. The YMCA launched the international War Prisoners Aid program to assist POWs of any nationality or religious belief. The American program functioned under the World’s Alliance of YMCAs (based in neutral Geneva, Switzerland) and worked with other national associations.³

John R. Mott was the primary catalyst for the expansion of the YMCA’s work with soldiers across Europe, and specifically in Russia. Mott grew up in Postville, Iowa, in a Methodist home. He joined the YMCA student ministry during his years at Cornell University. After graduating from Cornell in 1888, he embarked on a career with the YMCA. Initially he served as a recruiter of students, but by 1890, he became the director of the YMCA’s college and university ministry. In 1895, he coordinated the founding of the World Student Christian Federation. This organization attempted to support and unite student Christian movements throughout the world. For this and other cooperative Christian ventures, Mott later received the Nobel Peace Prize in 1946.

Mott deeply influenced the Russian ministry of the YMCA. Although he participated in this work only intermittently, Mott contributed to the ministry throughout the first half of the twentieth century. His direct involvement began in 1899 when he encouraged the founding of the Russian Student Christian Movement, and in the following years, he provided guidance and financial sup-

³ Kenneth Andrew Steuer, “Pursuit of an ‘Unparalleled Opportunity’: The American Young Men’s Christian Association and Prisoner-of-War Diplomacy Among the Central Power Nations during World War I, 1914–1923” (PhD diss., University of Minnesota, 1997), 1–4; and Paul B. Anderson to Eugene P. Trani, March 29, 1973, attachment to letter 1, 1966–84, Biographical Records, Paul B. Anderson, Kautz Family YMCA Archives [hereafter KFYA], University of Minnesota Libraries, Minneapolis. A general source is the archival document “Meeting of the War Historical Bureau of the Young Men’s Christian Association,” April 1, 1920, KFYA, Russian Work Restricted, Correspondence and Reports, 1918–1921, Correspondence and Reports, 1920. See also Paul B. Anderson, “Russian Prisoners of War” [no date], Paul B. Anderson Papers, University of Illinois at Urbana-Champaign Archives [hereafter PBAP].

port for the ministry. However, Mott contributed most significantly through his indirect influence, for several of his priorities provided guidelines for the direction of the YMCA's ministry in Russia: coordinating world evangelization, encouraging ministry cooperation, motivating indigenous leadership, supporting Russian Orthodoxy, and providing leadership training.

Mott traveled with a group to Europe in September 1914 to inspect the situation and determine the possibilities of YMCA assistance. They witnessed overcrowded hospitals and the difficulties in communication between wounded soldiers and family members. Mott and other YMCA leaders were motivated to help and to visit those in prison, as taught in the gospel of Matthew. He decided to raise millions of dollars and recruit secretaries to address the needs they observed. He met with the International Committee of the YMCA in December 1914 and described the tragic impact of the war on soldiers and refugees. Mott recognized that the war was a disaster, but he expressed his usual optimism. He suggested that the war was an opportunity to serve an enormous number of people across Europe. The main issue was how to provide relief and maintain American neutrality.⁴ Mott met with President Woodrow Wilson at the White House in January 1915 to discuss his experiences in Europe. The two had met at Wesleyan University in Connecticut in 1889. Wilson had been a professor at the school, and Mott had been visiting as a representative of the Student Volunteer Movement. This YMCA-supported movement facilitated the service of US college graduates in Christian ministries around the world. Another example of the connection had been Wilson's offer to Mott of an honorary degree from Princeton in 1910. Mott and Wilson shared a similar optimistic Protestant worldview. At the 1915 meeting, they spoke about ways to develop YMCA service to POWs and maintain US neutrality. They agreed on a plan that would "extend relief to war prisoners in both Allied and Central Power countries" and "would meet a desperate need.... The American YMCA now had the President's support for an ambitious relief program in Europe."⁵

The association and the US government became increasingly interdependent: each side relied on the other to fulfill goals. YMCA secretaries counted on American ambassadors in Berlin, Paris, Rome, Vienna, and Petrograd to make successful contact with local officials. "The Association's standing was clearly bolstered by official American support." Wilson's diplomats provided channels of communication and political information to the YMCA as well. The Y provided a variety of specific aid for US diplomatic officials, who were overloaded with a number of international obligations. Secretaries submitted needed reports on POW camp locations and conditions—freeing officials from this responsibility. The YMCA also assisted the US government by distributing food and medical supplies to POWs. However, this was not the primary responsibility of the association. President Wilson's approach could be described as corporatism—achieving government goals by utilizing large nongovernmental organizations.⁶

⁴ Steuer, "Pursuit of an 'Unparalleled Opportunity,'" 45–47.

⁵ *Ibid.*, 48–50.

⁶ *Ibid.*, 447–49.

The YMCA began working with soldiers in Russia in 1915. In June of that year, YMCA secretaries Archibald Harte and George Day visited several POW camps in Russia to gain information on conditions and opportunities. They were authorized by Russian General Mikhail Alekseevich Beliaev. Early in their trip, they met with the mayor of Moscow and shared about the YMCA's work with Russian prisoners in Germany. They visited POW camps and a hospital—where leaders requested books and athletic equipment. They examined facilities across Russia—including Omsk and Tomsk in Siberia. They reported good conditions, but the need for equipment for recreation.⁷ YMCA staffer Donald A. Lowrie soon began to work with POWs at a camp in Tomsk; he organized classes into twenty-three subjects, including French, commerce and trade, aeronautics, and geology. They also organized a library and weekly religious services for Protestants, Catholics, and Jews.⁸

YMCA secretary Jerome Davis led the first steps in work with Russian soldiers—in addition to POWs. In January 1917, Russian General Aleksei Nikolaevich Kuropatkin allowed the Y to work with one regiment in Turkestan in Central Asia. In February, the Y was permitted to work with all Russian troops in Turkestan. In July, the work expanded to the six regiments in Moscow. In August, the prime minister approved the YMCA to work with troops in Irkutsk, Tomsk, Kazan, Kiev, and Odessa—but Y secretaries were not allowed to work at the front. In September, the minister of war gave an official endorsement to the YMCA, and the prime minister allowed the Y to work on all fronts. This led to an accelerated deployment of Y secretaries and supplies throughout the country. The government provided a building in Moscow for the Y, and a general authorized forty buildings on the Western Front. A Moscow YMCA city council was formed, which included the mayor of Moscow, the minister of justice, the American consul, and other officials. A national YMCA office was organized in Moscow. Davis described the main goal of the wartime work to US readers in this way: “The central aim of the Association’s War Work is to serve Russia, her government and her soldiers with all the power at our command. We believe that our message will be carried not through our words but through our deeds. We feel that the closer we live up to the ideals of the Master in service the more we will demonstrate the ideal for which the Association stands.” Davis went on to explain, “During the two weeks that the soldier is back from the trenches there is little or nothing for him to do.... His main occupation is smoking ... sleeping or engaging in gambling or other harmful amusements.” YMCA leaders provided supplies and organization for reading, writing, games, and music.⁹

⁷ A. C. Harte, “Harte and Day to the Hospitals and German Prisoners’ Camps in Siberia, Petrograd, June 25, 1915,” KFYA, Russian Work Restricted, Correspondence and Reports, 1903–1917, Correspondence and Reports, 1915–1916, 1–4.

⁸ Donald A. Lowrie to John R. Mott, September 11 (24), 1916, KFYA, Russian Work Restricted, Correspondence and Reports, 1903–1917, Correspondence and Reports, 1915–1916, 1–2.

⁹ Jerome Davis, “Association History in the Making in Russia,” October 22 (November 4), 1917, KFYA, Russian Work Restricted, Correspondence and Reports, 1903–1917, Correspondence and Reports, 1917, 1–2.

Mott served as the catalyst for YMCA expansion of work among soldiers, but the implementation of his plans in Russia was carried out by a series of leaders. Archibald Harte supervised the War Prisoners' Aid in Russia and other countries in Europe—and he was originally responsible for the Russian army work. He left Russia in the summer of 1917, delegating his authority to acting senior secretary Jerome Davis. Harte planned to return in October 1917, but he was not able to do so. Davis was criticized for weak administrative skills, so Y secretaries formed a War Work Council in November 1917. His successor, Ethan Colton, was appointed in December 1917, but he was not able to arrive in Russia until March 1918. Therefore, as one YMCA report explained, “During this entire critical period the administration was in the hands of men whose tenure of office was temporary and who did not feel themselves in a position to make decisions of the most vital importance.”¹⁰ When new YMCA recruits arrived in Russia, they were often frustrated by a lack of organization and direction.

The service of the American YMCA among soldiers shifted significantly as it adjusted to Russia's dramatic political changes. Over three hundred Americans gathered together for this service and worked among many levels of Russian society in many regions.¹¹ This included all YMCA workers with prisoners, soldiers, and civilians during the war. The work can be examined in three periods. The first period stretched from June 1915 to March 1918. This period included the abdication of Emperor Nicholas II and the Bolshevik Revolution. It ended with the Treaty of Brest-Litovsk, ending Russia's participation in the war. The second period, March 1918 to August 1918, was a transitional one, which included the rise of the Soviet government. The third period, from August 1918 until 1919, included the Russian Civil War¹² and Allied intervention in Russia.

The focus of the first period was the Russian army. The United States declared war on Germany in April 1917, so this ended the US position of neutrality. This necessitated the withdrawal of American secretaries working with Russian POWs in several camps in Germany and Austria-Hungary. In June 1917, the United States recognized the Provisional Government, which had been set up after the abdication of Emperor Nicholas II on March 15, 1917. This led to the formation of a diplomatic mission to Russia from the US government, led by Elihu Root, which included Mott. The Root Mission attempted to evaluate how to assist the new Provisional Government and to encourage continued Russian participation in the war. While in Petrograd, Mott initiated a variety of discussions with many influential Orthodox leaders.¹³ Mott supported the Russian Orthodox Church as the primary spiritual expression of the Russian people. He had accepted a negative evaluation of the

¹⁰ Taft, et al., *Service with Fighting Men*, 427; Donald E. Davis and Eugene P. Trani, “The American YMCA and the Russian Revolution,” *Slavic Review* 33, no. 3 (1974): 475.

¹¹ Memorandum from Crawford Wheeler to John R. Mott and E. T. Colton, “Report on War time Activities in Russia,” November 22, 1919, KFYA, Russia, Colton E. T., Reports, Addresses, and Papers, WWI Field Reports, binder 2, 3–5.

¹² *Ibid.*, 7–9.

¹³ See John W. Long and C. Howard Hopkins, “The Church and the Russian Revolution: Conversations of John R. Mott with Orthodox Church Leaders, June–July 1917,” *St. Vladimir's Theological Quarterly* 20, no. 3 (1976): 161–80.

church during his years at Cornell, but rejected this evaluation after extensive contact with Eastern Christians. Over the years he established a network of friendships within the worldwide community and frequently expressed his admiration of the church. Mott emphasized that the YMCA supported the Orthodox community due to its doctrinal foundations, rich liturgy, and perseverance. On this trip, Mott secured permission to expand welfare work with Russian troops, so he began to personally recruit workers after his return to the US. He recruited college students and graduates who had experience with YMCA programs in the US. In October 1917, just before the Bolshevik uprising, the Provisional Government unanimously adopted a resolution which formally approved the work of the YMCA among troops of the Russian army. This approval granted railroad transportation, customs clearance, and postal delivery to the association at no charge.¹⁴ Approximately fifty new YMCA recruits arrived soon after the October Revolution. They soon learned that the new Soviet government planned to negotiate a peace settlement. Russian soldiers were leaving the front, and it became impossible to continue formal work with the troops.¹⁵ Soon after the October Revolution, YMCA work with Russian soldiers ended at the fronts. By March 1918, all work with the Russian army dissolved. The Soviet government signed the Brest-Litovsk peace treaty with Germany on March 3, 1918. The YMCA soon adjusted its goals, programs, and policies for the new situation at a conference in the Russian city of Samara in March 1918. Many secretaries ended their YMCA service, but others adopted new responsibilities serving Russian civilians and returning prisoners of war.¹⁶

The second period of YMCA work with soldiers continued from March to August 1918. New civilian programs were organized in central Russian cities, and a YMCA agricultural exhibition traveled along the Volga River.¹⁷ Limited work with Russian soldiers continued.

The third period began in August 1918 and included the Russian Civil War. At this time, Allied forces, including American troops, were deployed to Murmansk and Archangelsk on the Arctic coastline, as well as Vladivostok on the Pacific. This intervention during the Russian Civil War was part of the Allied strategy for the World War. US troops were sent to Archangelsk and Vladivostok to prevent German seizure of Allied military equipment. However, what began as a pragmatic military operation evolved into an indecisive struggle against the Bolsheviks. Allied troops gave “half-hearted” support to White armies opposing the Red Army. For Soviet leaders and historians, this intervention functioned for many years as key evidence of a Western plan to strangle Soviet Russia.¹⁸ The participation of the YMCA in the Allied intervention was one of the most controversial aspects of the association’s work. US military intervention led to the end of YMCA work in territory controlled by the Soviet government. Intervention required the evacuation

¹⁴ Taft, et al., *Service with Fighting Men*, 428–29.

¹⁵ *Ibid.*, 419.

¹⁶ *Ibid.*, 427, 430–31.

¹⁷ Wheeler, “Report on War time Activities in Russia,” 8.

¹⁸ Robert C. Grogin, *Natural Enemies: The United States and the Soviet Union in the Cold War 1917–1991* (Lanham, MD: Lexington Books, 2001), 16–17.

of the American embassy and all official representatives of the US from Soviet Russia. The US government could provide no protection, so virtually all Y staff members left Soviet-controlled territory. Therefore, the new focus of work became various Allied units and Russian civilians in northern Russia and Siberia.¹⁹

The YMCA served a variety of people during this period in areas not controlled by the Soviet government. The YMCA program of service to Allied soldiers began in Archangelsk during the first half of 1918. Approximately five thousand American troops arrived in the fall, and twenty-five American secretaries came in October. YMCA secretaries followed the deployment of the troops. Eventually, YMCA personnel included nearly a hundred American, Canadian, and British secretaries, plus Russian assistants. Four American Y secretaries were captured while working near the front with Allied soldiers. Two were released in Moscow with the help of the YMCA representative in Copenhagen, who traveled into the country to negotiate their release. In August 1919, the US embassy instructed all Americans to withdraw, so the American YMCA program ended. The American Y men left northern Russia by September 1919. The association operated work for Allied troops in the Russian Far East and Siberia as well. By February 1919, five association huts were operating for Allied soldiers near Vladivostok. The program ended with the Soviet advances in fall 1919.²⁰

Individual American YMCA staff members experienced their service in Russia in a wide variety of ways. As mentioned earlier, Jerome Davis was one of the first American YMCA secretaries to work with soldiers in Russia. He was recruited personally by John R. Mott, who spoke with him at Oberlin College. Davis did not want to interrupt his studies, but Mott told him, "The instruments of destruction in war today are so terrible that the war cannot last more than a few months." Davis began his work with little knowledge of Russian, so he studied on the ship while crossing the Atlantic. Soon after his arrival, he made a seven-day train trip to Turkestan to begin working with POWs. This quick initiation into work seemed to be motivated by the YMCA agreement made with German authorities. They agreed to allow Y men to assist Allied prisoners if the YMCA served the German, Austrian, and Turkish prisoners in Russia. Davis later went to the capital city and met with Alexander Kerensky for negotiations on the YMCA's work. Davis was in Moscow during the Bolshevik takeover in 1917, along with a number of other secretaries. He then took the train to Petrograd to obtain permission from the new Soviet government to continue the YMCA's work with soldiers. The work was welcomed by a Soviet official who provided a note authorizing the withdrawal of YMCA funds from the state bank. However, the bank cashier refused to provide the funds and demanded a letter from either Leon Trotsky or Vladimir Lenin. Davis then managed to meet with Trotsky and explain the YMCA's work. Trotsky provided a note for the bank, and Davis had no more problems. Later, Davis was strongly opposed to US intervention: "I was astound-

¹⁹ Taft, et al., *Service with Fighting Men*, 420, 433–35.

²⁰ *Ibid.*, 435–37, 441, 445; G. S. Phelps, "Siberian Expedition Report," November 3, 1920, KFYA, Siberia, Russian Work Restricted, North Russia: Archangel, Murmansk, Siberia, 38.

ed to learn that the United States was planning to help overthrow the Bolshevik regime.” He agreed to begin working in Archangelsk only if the Bolshevik regime collapsed in two months, as predicted by the US ambassador. However, this diplomat’s prediction proved to be inaccurate, so Davis departed.²¹

Davis’s opposition to the US government’s actions stood in sharp contrast to the views of Mott, who strongly supported President Wilson and his political philosophy. Mott supported US entry into the war and opposed the Bolshevik regime. His Christian vision became closely tied to America’s political agendas and national ambitions. Ironically, his identification with US government interests contributed to the continuing ban on the YMCA’s work in the USSR.²²

Paul B. Anderson, a key secretary for outreach to soldiers, worked to serve the Russian people from his first trip in 1917 until his death in 1985. He had a long-term, in-depth involvement with Russian life and made a serious attempt to understand its language, history, and culture. He provided leadership or support for almost every aspect of the YMCA’s Russian ministry. He grew up in Madrid, Iowa, and studied at the University of Iowa. In 1917, he was invited to serve as personal assistant to John R. Mott for the US diplomatic Root Mission to Russia. Mott, the leader of the American YMCA’s global ministry, served as a mentor to Anderson throughout his life. Anderson arrived in Petrograd on June 12, 1917, and remained in the city after the Root Mission returned to America. Initially, he focused on assisting with the administration of YMCA service to prisoners of war. The Bolshevik uprising in 1917 disrupted the work, yet Anderson continued with his duties until September 1918, when he was arrested in Moscow. Suspected of “counter-revolutionary” activity, he was taken by a government security officer to the Lubyanka prison. He was released, but shortly thereafter the YMCA ended its full-scale service in Soviet Russia. From 1920 to 1924, Anderson lived in Berlin and participated in a variety of creative service programs. During these years in Berlin and then in Paris, Anderson’s understanding of Russian culture grew. He emerged as one of the first Western experts on religion in the Soviet Union.

The YMCA’s service to soldiers and prisoners of war was initially funded by several wealthy philanthropists in response to Mott’s requests. However, rising costs led to a broader fundraising approach. The YMCA worked with several other American international social welfare organizations in promoting the United War Work Campaign. This campaign eventually gathered 203 million dollars, the largest amount gathered for a voluntary program on record. The share for the American YMCA amounted to nearly sixty percent—over 100 million dollars.²³ The American Y spent nearly eight million dollars for wartime work in Russia.²⁴

²¹ Jerome Davis, *A Life Adventure for Peace: An Autobiography* (New York: Citadel, 1967), 43–49.

²² M. Craig Barnes, “John R. Mott: A Conversionist in a Pluralist World” (PhD diss., University of Chicago, 1992), 222–24.

²³ Steuer, “Pursuit of an ‘Unparalleled Opportunity,’” 456.

²⁴ Taft, et al., *Service with Fighting Men*, 456 [no details provided with these statistics]; “Recapitulation of Budget for Russian Army Work,” KFYA, Russian Work Restricted, Correspondence and Reports, 1918–1921, Correspondence and Reports, 1919.

YMCA leaders viewed the rise of socialism and the Bolshevik Revolution with a diversity of perspectives. As leaders of a prominent international program of philanthropy, the work and relationships of secretaries brought them into direct contact with Emperor Nicholas II, Vladimir Lenin, and Leon Trotsky. They also met a wide variety of workers, peasants, and soldiers. YMCA secretaries were reflective writers in their reports and letters about their experiences. Some condemned the political changes, a few championed the revolution, but most expressed ambivalence as they watched chaos unfold and stretch into civil war. None were monarchists, and none were communists, but the YMCA staff included secretaries holding political views from right to center to left. The February Revolution was welcomed by the majority, but most Y men responded with uncertainty to the October Revolution, since they did not understand even the basics of the Bolsheviks' approach. Eventually, the clear majority of secretaries expressed a negative view about the October events. The two primary leaders of all YMCA service among Russians were John R. Mott and Paul B. Anderson. These men attempted to understand Marxism and concluded that it was fundamentally alien to Russian culture. They did not use liberal democracy as an exclusive standard for political ideology, but they argued that Russian Marxists should respect a diversity of political opinion. Mott and Anderson were very influential within the YMCA's Russian program and voiced the majority opinion against socialism.

Three staff members, Jerome Davis, Sherwood Eddy, and Julius Hecker, emphasized the visions of Russian socialists. They encouraged their American readers to consider the progress made by these radicals in bringing justice to oppressed workers and peasants. These views were based on their own dissatisfaction with Western democracy and traditional Protestant religion. This vocal minority of the YMCA's Russian work staff was sympathetic to many aspects of the Bolsheviks' program. They did not support the use of violence or the Soviet stance on atheism. However, they envisioned a future peaceful, socialist Russia with a philosophy which combined Marxist and Christian aspects.

The YMCA faced a complex challenge in conducting a global program of philanthropy, which was made possible by the support of the US government. YMCA staff members filled controversial public roles as Americans in Russia during a politically volatile period of world war and revolution. Most steered clear of any political action. However, the variety of political opinions and agendas held by YMCA representatives demonstrates that the Y was not a government tool with a program dictated by Washington.

The YMCA's work with soldiers raised heated controversies. After the October Revolution, a variety of critics from all sides in the US and Russia denounced the Y for several reasons. Soviet leaders suspected that secretaries were meddling Allied supporters, but they accepted material aid for Russians returning from POW camps. Opponents of the Bolsheviks often assumed that they were Marxist sympathizers. The Bolsheviks saw the Y as a tool of Washington, since

the Y frequently assisted their enemies—especially in North Russia and Siberia.²⁵ The Y faced a difficult dilemma: it attempted to support the Allied cause *and* also support any troops that needed assistance. The concluding YMCA report summarized, “This very non-partisanship made all partisans suspicious.”²⁶ In the US, Mott’s wartime alignment of American and Christian goals was popular with many mainline Protestants. Other Christian groups rejected his approach.²⁷

In spite of the widespread YMCA optimism, World War I undermined the YMCA’s worldwide advance rather than expanding its influence. Before the war, the American, British, and German associations worked closely as partners in the World Alliance of YMCAs. The war broke the cohesion of this arrangement. Members of the alliance did not come together for a meeting between 1914 and 1920.²⁸ In addition, the global Protestant movement was weakened by the close connection between the churches and the war effort. As one scholar explained, “The identification of the missionary and national causes in wartime led to a serious loss of credibility for missions in the decade after the war.” The American entry into the war reflected the experience of many European nations with an enthusiasm for a holy war. Most Protestant, Catholic, and Jewish leaders supported the war effort. The opposition of Quakers and Mennonites was not politely received.²⁹

Evaluating the YMCA’s service among soldiers is not a simple task. In spite of these suspicions and many limitations, the YMCA significantly improved prisoner conditions in the locations where it was able to operate. The results of the YMCA POW relief program may have matched the goals in quality, but not in quantity. The secretaries simply could not serve the vast number of prisoners, and made contact with only a small percentage of them. As mentioned earlier, Russia held 1.5 million inside its borders; 2.5 million Russians were held as prisoners of war or missing in foreign countries. One historian summarized, “The suffering of the POW in the Great War may have been too great a challenge, especially for just one social welfare organization.”³⁰ The YMCA’s own evaluations of this work in Russia express ambivalence and identify both failures and successes. In conclusion, the American YMCA’s attempts to serve soldiers raised more controversy from more critics than any other aspect of the Russian service. This criticism should be evaluated in light of the wider long-term goal of the organization to provide religious, physical, and social support to all groups of Russian youth.

²⁵ Davis and Trani, “The American YMCA and the Russian Revolution,” 479, 483.

²⁶ Taft, et al., *Service with Fighting Men*, 420.

²⁷ See clipping from “The Gospel Message,” published by the Gospel Union Publishing Company, Kansas City, MO, KFYA, Russian Work Restricted, Correspondence and Reports, 1903–1917, Correspondence and Reports, 1915–1916, 11–12.

²⁸ Clifford Putney, *Muscular Christianity: Manhood and Sports in Protestant America, 1880–1920* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001), 41.

²⁹ Nathan D. Showalter, “The End of a Crusade: The Student Volunteer Movement for Foreign Missions and the Great War” (ThD diss., Harvard University, 1990), abstract [no page number], 12–13, 261.

³⁰ Steuer, “Pursuit of an ‘Unparalleled Opportunity,’” 454–55, 458, 473.

About the Author

Matthew Lee Miller is Professor of History at the University of Northwestern in St. Paul, Minnesota. He is the author of *The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900-1940* (Lexington Books, 2013) and the editor of *John R. Mott, the American YMCA, and Revolutionary Russia* (Slavica Publishers/Indiana University, 2020). His most recent publications include “The YMCA Press, Russian Orthodoxy, and Aleksandr Solzhenitsyn” in *Solzhenitsyn and American Culture: The Russian Soul in the West* (University of Notre Dame Press, 2020). He received his Ph.D. in modern Russian and European history from the University of Minnesota.

**Песнь Свободы:
«Соединенные Штаты России» в политическом
воображении русско-американского авантюриста**

Илья Виноцкий

One, two! One, two! And through and through
The verbal blade went snicker-snack!
He left it dead, and with its head
He went galumphing back.

“And hast thou slain the Jabberwock?
Come to my arms, my beamish boy!
O frabjous day! Callooh! Callay!”
He chortled in his joy.
Lewis Carroll, Jabberwocky [Кэрролл 2013: 17]¹

Теперь все это уже «дела минувших дней»: и «преданья старины», хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер ее главного героя. Его собственное имя, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народной фантазией миф он интересен, а его происхождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.
Н.С. Лесков, Левша [Лесков 1958: 59].

Если бы то, о чем будет говориться в этой статье, было на самом деле, то стихотворение, о котором пойдет речь ниже, можно было бы назвать одним из самых *перманентно революционных* текстов в истории. Это свое условное значение интересующее нас стихотворение, написанное второстепенным аме-

This article was originally published in *Novoe Literaturnoe Obozrenie* 155 (January 2019) and reprinted here with permission.

¹ «Раз-два, раз-два! Горит трава, // Взы-взы — стригает меч, // Ува! Ува! И голова Барабардает с плеч! // О светозарный мальчик мой! // Ты победил в бою! // О храбро-брославленный герой, // Хвалу тебе пою!» (пер. Д. Орловский) [Кэрролл 1982: 171].

риканским поэтом, приобрело в результате серии мистификаций (или фальсификаций), созданных вокруг него одним из самых «фантастических» в истории русско-американских культурных и политических отношений авторов российского происхождения. Эти мистификации и фальсификации в высшей степени мечтательного сочинителя, как мы постараемся показать, заслуживают самого серьезного внимания. Они позволяют исследовать механизм формирования и бытования политического образа России (и идеального русского революционера) в американском общественном сознании первой половины XX века. Они также дают материал для исследования альтернативного (утопического или фантомного) видения истории, приобретающего, как мы полагаем, особое значение в эпохи исторических катаклизмов.

Несколько слов о методологических предпосылках и задачах этой работы. Как заметил полвека тому назад Ю.М. Лотман, «при наличии методов дешифровки заведомая фальшивка может быть источником ценных сведений» [Лотман 1979: 93-94]². Еще раньше на важность вопроса о «мнимых величинах» в истории литературы (подделок, пародий и «мнимых» пародических личностей) обращал внимание Ю.Н. Тынянов [Тынянов 1977: 538]. В нашей работе мы постараемся с помощью реконструкции одной колоритной серии мистификаций проследить, как, зачем, из какого материала и при каких обстоятельствах создается или «раздувается» на протяжении значительного промежутка времени «мнимая» биография исторической личности. Мы считаем, что такая раздутая на десятилетия и играющая самыми разными оттенками вымысла легенда не является «чистой» ложью, бессмысленной галлюцинацией или корыстной подменой исторической реальности, но по-своему передает и символизирует последнюю. Перефразируя слова британского физика лорда У. Кельвина, изучением подобных «мыльных пузырей» (причем чем более амбициозных, тем более интересных) можно заниматься всю жизнь, не переставая извлекать из них уроки истории [цит. по: Перельман 2013: 95]³. В методологическом плане настоящая работа и представляет собой опыт (прошу прощения за предлагаемый тяжеловесный термин) такого *историко-физиологического* (от греческого слова «*physallis*» [φυσάλις], обозначающего «мыльный пузырь») анализа, крайне актуального в настоящее миражеобильное время⁴.

² Статья Лотмана дала тему для Четвертых Лотмановских чтений, удачно озаглавленных «Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками» (Таллинн, 2012). В 2014 году вышел содержательный сборник по материалам этой конференции [Кузовкина 2014].

³ «Волшебные переливы красок на поверхности тончайших мыльных пленок, - пишет Перельман, - дают физику возможность измерить длину световых волн, а исследование натяжения этих нежных пленок помогает изучать законы действия сил между частицами, - тех сил сцепления, при отсутствии которых в мире не существовало бы ничего, кроме тончайшей пыли» [Перельман 2013: 95]. Научная литература о подделках и мистификациях огромна. О литературных уроках мистификаций см., в частности: [Абрамсон 2005; Грум 2002; Графтон 1990; Мак Фарланд 20005; Рутвен 2001; Кузовкина 2014].

⁴ Хочу выразить глубокую признательность Майклу Вахтелю, Сергею Глебову, Майклу Гордину, Томасу Кинану, Б.И. Колоницкому, Илье Кукулину, Дэвиду Купе-

1906 – 1908: «Вставай, Россия, твой пробил час!»

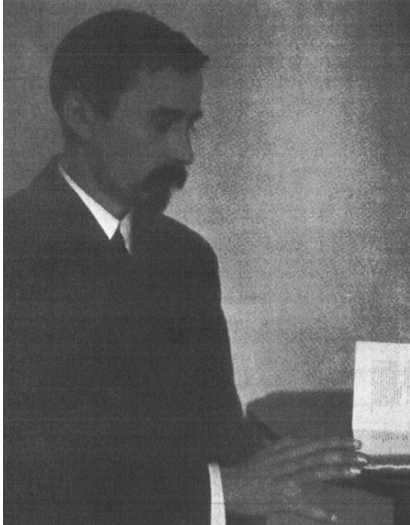
10 апреля 1906 года в Нью-Йорк приезжает Максим Горький. Его цель – воспрепятствовать предоставлению американского кредита российскому правительству и сбор денег на русскую революцию. В порту Горького и его маленькую свиту встречают российские политические эмигранты, патриарх революционного движения эсер Николай Чайковский и 36-летний эстонец Иван Иванович Народный (настоящее имя - Яан Сибуль). Последний приехал в Америку из Англии за полтора месяца до Горького, на корабле назвался (ко смеху публики) Джоном Д. Рокфеллером («самое богатое имя», которое он тогда знал [Пул 1940: 174]), в заполненной в порту декларации дал абсолютно ложную информацию о себе⁵, включавшую адрес некой госпожи Э. Смит, у которой он якобы собирался остановиться, «совпавший» с домашним адресом лидера американских анархистов Эммы Голдман, и в итоге поселился в Клубе А (A Club) в Гринвич Вилледж - коммуне молодых журналистов, исповедовавших социалистические взгляды и сочувствовавших русской освободительной борьбе [Мак Фарланд: 118-150]⁶.

ру, Юрию Левингу, Марку Липовецкому, Александру Мартину, Эрику Нэйману, Н.Г. Охотину, Екатерине Правилковой, Михаилу Трунину, Татьяне Степанищевой и Лазарю Флейшману за ценные советы и любезные консультации.

⁵ Приезжий указал, что является по профессии доктором, жил в Петербурге, неженат, поездку в Америку оплатил за свой счет, никогда не сидел в тюрьме, не проходил лечения в психиатрической лечебнице и не разделяет анархистских убеждений («List of Manifest of Alien Passengers for the U.S. Immigration Officer of Arrival»). На самом деле он был эстляндским крестьянином по происхождению, самоучкой, в Петербурге никогда не проживал, в Америку уехал на деньги, собранные для него английскими и американскими социалистами, в Эстонии бросил жену и двоих сыновей, до того несколько лет провел в психиатрической лечебнице, куда попал после ареста, связанного с участием в подделке трехрублевых купюр. После освобождения Народный какое-то время занимался журналистской деятельностью (издавал радикальную эстонскую газету в Берлине) и принял участие в первой русской революции. Более или менее точные биографические сведения о Сибуле-Народном содержатся в статьях о его уголовном процессе в эстонских газетах рубежа XIX-XX веков и в его деле (Memorandum) в архиве ФБР («Old German Files, 1909-21, W. E. D. Stokes (#8000-643); Old German Files, 1909-21, Various (#107489); Old German Files, 1909-21, Alleged Seditious Article (#8000-13106); <<https://www.fold3.com/image/1293834>>; далее [ФБР 1918-1921]). Информация о политической деятельности Народного содержится также в его деле, составленном российским полицейским ведомством [ГАРФ]. Научно-биографическая литература об Иване Народном невелика [Пул 1940: 174-176; Пул 1944; Вильямс 1980; Стивенсон 1990; Народный 2001]. В 2014 вышла маленькая история американской семьи Питера Народного (внука Ивана), первая глава которой посвящена деду, которого автор никогда не видел и сведения о котором почерпнул из его «автобиографических» сочинений и газетных публикаций [Народный 2014]. Недавно в Таллинне была опубликована первая биография Народного по-эстонски, включающая ряд ценных сведений о его юности и позднейшем участии в создании вооруженных сил эстонского государства [Китвель 2017а].

⁶ Своим появлением в Соединенных Штатах этот эксцентричный гость был обязан группе американских журналистов из бюро Друзей российской свободы, це-

В нескольких интервью, данных своим новым друзьям, Народный представил себя русским писателем, лидером подпольного республиканского правительства России (the Russian Liberty Organization), руководителем Нарвского и Кронштадского восстаний, создателем «красной гвардии» в ранге генерала, борцом за трезвость и бесстрашным рыцарем свободы, несколько лет отсидевшим в одиночной камере, потерявшим в священной борьбе с царизмом жену и двоих сыновей и чудом спасшимся от смертной казни⁷. «I have been in this America one week, - говорил он своему интервьюеру на ломаном, но полном энергии английском, - and already do I not speak the English language fluently! ... But I shall it learn! Then to American peoples will I speak the sufferings of Russian peoples. I will say, "Help us be free!" and they will help; they are rich - their hearts are great. Then - Oh, my Russia! - Freedom!» [Скотт 1906: 74]⁸.

*«Иванович Народный.
Прекрасный тип русского
профессионального
революционера»*

Народный действительно участвовал в революционных событиях зимы 1905-1906 годов и даже был делегатом от Нарвы на первой большевистской партийной конференции в Таммерфорсе [Труды 1930: 102, 135], но его роль в революционных событиях того времени была микроскопической и сомнительной [Канн 1979: 44] (арестован же он был еще до революции за подделку ассигнаций и освобожден после психиатрического освидетельствования как слабоумный, возмнивший себя реинкарнацией

лю которого была финансовая поддержка русских революционеров и оказание им помощи в «антицаристских публикациях» на Западе. Нью-йоркским центром этих журналистов и был Клуб А, где поселился Народный [ФБР 1918-1921; Пул 1944; Фогльсонг 2007: 38-43].

⁷ См. Ernest Poole, «Till Russia Shall Be Free» // Saturday Evening Post, CLXXVIII, Apr. 7 (1906): 1-2, 26-27; Howard Brubaker, The 'Minute-Men' of Russia // Collier's Weekly, XXXVII, May 19 (1906): 21-22. Народный называл себя не только вождем революции, но и бывшим генерал-лейтенантом, командующим второй царской казачьей дивизии и рыцарем ордена св. Иоанна.

⁸ «Я пробыл в Америке одна неделя и уже не говорю на английском свободно! Но я должен его научить. Тогда народы Америки будут говорить о страданиях российских народов. Я скажу: «Помогите нам стать свободными!» и они помогут; они богатые – их сердца отличные. Потом – о, моя Россия! – Свобода!» В эту публикацию была включена фотография с подписью «Ivanovitch Narodny. A fine type of the professional Russian revolutionist». На ней Народный изображен за чтением некой драмы в стихах, которую мы осторожно идентифицируем как «Борис Годунов» А.С. Пушкина (возможно, монолог Самозванца из сцены «Ночь. Сад. Фонтан»).

Будды⁹). Между тем именно Народный выступил главным организатором визита Горького в Америку (с писателем он встречался в Берлине и Финляндии). Талантливый пропагандист, он за несколько дней до приезда Горького дал ряд «фантастических» интервью американской прессе, в которых подготовил общественное мнение к «судьбоносному» для русской революции визиту [Пул 1944; Вернер 1957: 237-256; Едлин 1999: 67-82]¹⁰.

Америка оказалась для нищего фантазера Сибуля-Народного действительно «землей обетованной», ибо здесь его возбужденное народно-политическое воображение¹¹, нешуточные амбиции социального изгоя-самозванца и навыки не брезгующего ничем журналиста оказались полностью востребованы (и главное – вполне легальны). Крайне важным для его американской карьеры является тот факт, что он очень быстро перешел на английский язык, чуть ли не с первого дня своего пребывания в Америке получил доступ к американским читателям и хорошо усвоил, что они хотят слышать о загадочных русских¹². Значительный интерес американского общества к России (особенно левой интеллигенции, большей частью связанной с изданиями Херста и Уилшайра) открывал для него возможность в «мутной» обстановке 1900-х годов заявить о себе как о фигуре большого исторического значения и постараться конвертировать этот воображаемый капитал в реальный. Что он немедленно и сделал, представив себя уже не как «вождя маленькой эстонской нации» (письмо к Толстому 1905 года [Александров 2002: 303]), а как всероссийского революционного лидера и знаменитого писателя (образцы соответствующего поведения были у него перед глазами – Горький, политические эмигранты – настоящие и жулики, – выступавшие с лекциями и собиравшие пожертвования на русскую революцию).

В написанных много лет спустя мемуарах секретарь Горького Н.Е. Буренин, сопровождавший Буревестника во время его поездки в США, вспоминал: «Иван Народный, поняв дух американцев, не постеснялся дать самые

⁹ Eesti Postimees, nr. 35, 31, August 1900 <<https://dea.digar.ee/cgi-bin/dea?a=d&d=eestipostimees19000831.2.11>>

¹⁰ Народный также принял активное участие в формировании американского Комитета помощи русским революционерам [A Committee to Help the Russian Revolutionists].

¹¹ В 18-летнем возрасте Ян Сибуль участвовал в организованном его земляком, известным лингвистом и теологом Якобом Хуртом массовом движении по сбору народных песен и преданий и опубликовал под псевдонимом «Talune» записанные им песни на вырусском диалекте. Эстонская и финская народная поэзия (прежде всего «Калевала») представлялась ему «неоткрытой землей, новой “1001 ночью”» [Народный 1926]. Страсть к фантазированию Народный, с ранних лет увлекавшийся теософией, вообще считал чертой национального эстонского характера. Себя самого он видел благородным воином-шаманом из «Калевалы» (утверждал, что способен победить врагов мира своей психической силой), продолжателем Будды, представителем древней монгольской расы, хранящей в своих монастырях тайное знание и готовящей в тиши спасение всему человечеству.

¹² О «русской теме» в американской прессе 1900-1910-х годов см.: [Эншел 1974]; [Фогльсонг 2007].

потрясающие сведения как о “настоящем” положении России, так и о себе самом. Газеты вышли с заголовками, напечатанными крупным шрифтом “Максим Горький и его соратники устраивают в Нью-Йорке штаб-квартиру для величайшего удара по русской империи”. Иван Народный был назван одной из самых выдающихся личностей в русском революционном движении, а М. Горький - крупнейшим представителем Народного. Народный сообщил репортерам сведения, нелепость которых “слишком очевидна”» [Горький 1999-2013: V, 430-431].

Действительно, главная мысль выступлений Народного заключалась в том, что визит Горького знаменует собой встречу на американской земле трех ведущих сил русской революции – эсеров («отец русской революции» Н.В. Чайковский), эсдеков (Горький) и таинственной военной революционной организации «Народная гвардия» (Volksguard), которую возглавляет сам Народный. Накануне прибытия Горького Народный рассказал корреспонденту «New York Times» о ближайших планах российских революционеров: триумvirат Горький-Народный-Чайковский займется подготовкой к свержению империализма и основанию республики в России; для успеха последней необходимо будет собрать около миллиона долларов, которые пойдут на закупку оружия; революция начнется уже в конце этого года¹³.

Сам Горький писал о встрече с Народным Леониду Красину в середине апреля 1906 года: «В компании с ними [эсерами Чайковским и Шидловским, - И.В.] я нашел эста Сибуля, того, который был делегатом из Нарвы на конференции в декабре. Малый - мягкий и болезненный. Чайковский, пользуясь этим, затуркал его». Народный предложил Горькому «“работать” вместе, а для дележки заработанных денег выбрать американца», но писатель «отказался наотрез». В тот же день состоялся торжественный обед в честь Горького, на котором был сформирован «комитет», в который вошли Марк Твен и «несколько крупных капиталистов» [Горький 1999-2013: V, 179-180].

Хотя в апреле 1906 года Народный еще плохо владел английским языком (некоторые проблемы у него были также с русским и немецким, если верить имеющимся в нашем распоряжении автографам писем Народного¹⁴, а также

¹³ Russian Republic Near, Declares Leader Here // New York Times, Apr. 7 (1906): 1.

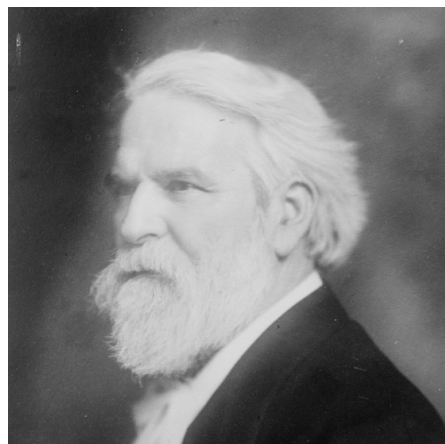
¹⁴ 4 мая 1897 года Народный (тогда еще Сибуль) писал своему адвокату из Дома Первоначального заключения в Петербурге: «Покорно прошу Вас мне 3 рубля денег посылать, пока я свои получаю. – Я больноватый, и в некоторых часах так очень слабый чтобы принужден был к Вам как знакомому (sic!) обратиться. В ожидании на исполнении моей интимной просьбы Ваш Ян Талуне-Сиббуль» (орфография сохранена, - И.В.). Письмо к Толстому от 13/07 1909 года Народный подписал «Глубоким уважением, И.И. Народный» (Как подсказал нам М. Трунин, эта ошибка – характерный эстонизм, так как формула «с уважением» звучит по-эстонски «lugupidamisega», где финальное «-ga» - показатель формы падежа (в данном случае не важно какого), а предлога там нет и быть не может»). Eesti Kirjandusmuuseum (The Estonian Literary Museum), J. Sibul, Fond 218, A. Annist, M. 64:2, M 99 :15: M. 73: 14 5/72; Fond 224, H. Leoke, M. 78 :9, ¾. От всей души благодарю Татьяну Степанищеву за помощь в поиске и переводе этих архивных документов.

Обед в Клубе А 11 апреля 1906 года. В правом нижнем углу Иван Народный

более позднему донесению агента ФБР), именно он выступил в роли переводчика Горького. На известной фотографии, сделанной во время банкета, Народный сидит рядом с Марком Твенном.

Участвовал Народный и в состоявшемся в тот же день приеме в честь Горького и Герберта Уэллса в доме миллионера-социалиста Гэйфорда Уилшира. На этом обеде также присутствовал патриарх американской спиритуально-социальной поэзии, автор знаменитого стихотворения-экфразиса «Человек с мотыгой» («The Man with the Hoe», 1898) Эдвин Маркхэм¹⁵, приветствовавший русского собрата по цеху восторженными словами: «Максим Горький, Мечтатель и Творец! Хорошо, когда мыслитель является вместе с тем и тружеником. И Ваша деятельность – освобождение народа – это великая деятельность! С Вами сердца всех друзей свободы во всех странах. Я приветствую Вас как представителя простых людей. Да здравствует расцвет и братство!» (пер. А.П. Сарахунян; [Горький 1960: 302]). Горький немедленно ответил Маркхэму в том же тоне: «Г. Эдвину Маркхэму... Поэту, чья седая голова, как вершина горы, окрылена снегом мудрости.

Эдвин Маркхэм (1852-1940) – Уитмен американских трудяг

¹⁵ 11 апреля «Gorky, accompanied by young Pleshkoff, went from the dinner to the home of Gayford Wilshire, at No. 69 West 93d street, where a dinner given for Herbert G. Wells was followed by a reception. Among those present at the reception were Mr. and Mrs. Markham, John Corbin, Ray Brown, and Mrs. Smythe...» (Gorky Honored Guest. Chats with Mark Twain Through Interpreter on Russian Future // New York Tribune, Apr. 12 (1906): 4). См. также: Riot of Enthusiasm Greets Maxim Gorky. Russian Writer Says Arms Must Force the Revolution // New York Times, Apr. 11 (1906): 6. См сведения о Маркхэме и его литературной и общественной репутации в [Шилдс].

– Поэту, чье серебряное сердце несет свой чистый пронзительный звук через просторы океана до самой России, где он живет и почитается. Один из его поклонников, М. Горький»¹⁶.

Именно во время банкета 10 апреля 1906 года, по позднейшим воспоминаниям Народного (1938 и 1948-49 гг.), «новый Уолт Уитмен» Маркхэм и написал следующую восторженную оду, посвященную, как заявлял Народный, ему лично. Помещаем en regard с оригиналом мастерский перевод этого стихотворения, выполненный по нашей просьбе Юлией Трубихиной-Куниной:

Russia, Arise!

Rise, Russia, to the great hour rise:
The dead are looking from the skies.
And God's hand, terrible with light,
Upreaching from the Arctic night.
Writes on the North with torch of fire —
Writes in one word the world's desire —
Writes awfully the word of man
Across the vast auroral span —
Writes "Freedom" that shall topple kings
And shake to dust their treasonings.

Because the gibbet and the chain
Scatter thy blood a sacred rain;
Because thou hast a soul all fire,
Under the hoof-marks and the mire;
Because thou hast a dream burned white
By many sorrows of the night;
Because thy grief has paid the price,
Paid it in tears and paid it thrice —
Therefore all great souls surge to thee.
The blown white billows of one sea —
Therefore thy spirit shall prevail,
For in thy failure God shall fail!

This is the hour; awake, arise!
A whisper on the Volga flies;
A wild hope on the Baltic leaps;
A rapture over the Neva sweeps;
A joy is on the trail that goes
Reddening the white Siberian snows;
The cliffs of Caucasus are stirred
With the glad wonder of a word;
The white wave of the Caspian speaks,
And Ural answers from her peaks.
The Kremlin bells in all their towers
Wait trembling for the hour of hours,
When they shall cry the People's will —
Cry Marathon and Bunker Hill!

Воспрянь, Россия!

Вставай, Россия, твой пробил час:
Глаза твоих мертвых глядят на нас,
И в полярной ночи нынче светло, как днем.
То Божья длань страшным горит огнем
И светлой погодой с севера, в ярком сиянье—
Пишет одно лишь слово, народное упование—
В страшном великолепии пишет людское слово
Окест горизонта от зари золотого—
Слово "Свобода", что царей попирает
И коварство их в прах разбивает.

И потому, что в святой крови
Твой эшафот и цепи твои;
И потому, что душа твоя
Под грязью скитаний полна огня;
И потому, что не меркнет мечта,
Выжженная в ночи креста;
И потому, что слезами сторицей
За страданья пришлось расплатиться—
Все души достойных, как волны, гурьбой
Встают за тебя и влекутся тобой.
И ты победишь в своем сраженье,
Ибо твое поражение—Господа поражение!

Воспрянь же, проснись, твой пробил час!
Средь волжских просторов надежда зажглась;
Над Балтикой вольная весть пронеслась;
И над Невою заря занялась,
Разлилась красным отсветом в мире—
И среди снежных урочищ Сибири,
И среди пенных каспийских волн;
Радостной вестью воздух полн.
Эхом своих неприступных скал
Ей отвечают Кавказ и Урал.
И часа ждут колокола в Кремле,
Чтобы весть разнести по всей земле;
Так волю свою народ возвестил
При Марафоне и Банкер-Хилл!¹⁷

¹⁶ Текст по-английски приводится в редком издании «Markham Studies» за 1968 год (Feb. 1, 1968).

¹⁷ Кровопролитная битва при Банкер-Хилл и Бридс-Хилл около Бостона 17 июня 1775 года подняла моральный дух американской республиканской армии во время

Сразу скажем, что эстетические достоинства агитационного стихотворения американского поэта невелики (чего стоит одно словечко «treasonings»). Стилистически оно явно несет на себе отпечаток близкой сведенборгианцу Маркхэму англо-американской хоральной традиции, в конце XIX века «секуляризованной» социалистическими поэтами (в данном случае очевидным представляется мне влияние известного лейбористского гимна Эдварда Карпентера “England, Arise!” [“England, arise! The long, long night is over, / Faint in the east behold the dawn appear; / Out of your evil dream of toil and sorrow / Arise, O England”, 1896])¹⁸. По своему содержанию, стихотворение представляет собой набор общих мест из американских статей, посвященных страдающей России, и хорошо выражает ожидания американской либеральной общественности, умело направляемые публикациями молодых друзей Ивана Народного. (Это стихотворение могло бы стать отличным эпиграфом к известной книге Дэвида Фогльсонга о постоянной американской «миссии», направленной на евангелическую демократизацию России по образу и подобию США, с итоговым созданием Соединенных Штатов России [Foglesong 2017: 34-59]).

Если верить Народному, импульсом к созданию этого стихотворения стало чтение Иваном Ивановичем фрагментов из его «Декларации независимости России». Горький, по воспоминаниям Народного, сидел справа, а сам Народный слева от Марка Твена, когда г. Артур Брисбейн (известный журналист, протезировавший Народному) читал вслух стихи Маркхэма (по другой версии того же мемуариста, начало оды прочитал присутствовавшим друзьям русской свободы сам американский поэт)¹⁹.

Между тем Народный в этих воспоминаниях (подробнее о них мы поговорим позже) явно смешивает времена и события.

Во-первых, он объединяет два «горьковских» обеда, состоявшихся в один день, – встречу в Клубе А, где присутствовал Марк Твен, и прием у миллионера Уилшира, на который был приглашен Маркхэм. Во-вторых, стихотворение «Russia, Arise!», опубликованное в июле 1906 года в «Appleton's Magazine», вышло с посвящением не Народному, а Максиму Горькому, которого Маркхэм назвал в одной из своих торжественных речей того времени «русским Джефферсоном» (речь на собрании в Клубе Тринадцати)²⁰.

Наконец, в-третьих, замечательная «Декларация» Народного, написанная в конце 1907 года, была оглашена им только в феврале 1908 года и, следовательно, никак не могла обсуждаться на банкете 10 апреля 1906 года.

Войны за независимость. Показательно, что такую же политико-мифологическую терминологию использовали в 1906 году американские баптисты, верившие, что царская Россия пойдет по пути демократической Америки: «For Russia, sooner or later, there will be a Runnymede and a Magna Charta, if not a Bunker Hill and Yorktown» [Foglesong: 38].

¹⁸ Можно послушать здесь: <<https://www.youtube.com/watch?v=ebIFsqnnNDQ&t=94s>>

¹⁹ The San Francisco Examiner (Nov 19, 1939, p. 32), Hartford Courant (July 12, 1940, p. 8), The Markham Review (1968) и др.

²⁰ Appleton's Magazine, vol. 8, issues 1-6 (1906): 29.

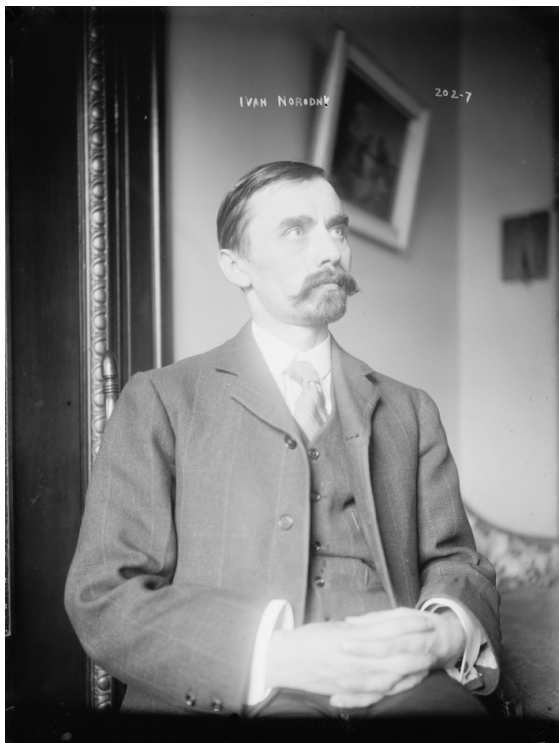
Апокалиптическая иллюстрация к стихотворению Маркхэма о России

енная Балтийская республика Народного также приняла красно-черный (анархо-синдикалистский?) национальный флаг. Эта республика, судя по всему, была лишь частью главного политического проекта Ивана Ивановича – создание Соединенных Штатов России²¹. В опубликованном 14 августа 1906 года интервью он говорил о том, что прибыл в Америку с надеждой на то, что «этот великий свободный народ поможет ему создать из крепостных его страны другой великий и свободный народ – Соединенные Штаты России»²².

²¹ В разделе книги Д. Фогльсонга о «российской миссии» Америки, озаглавленном «United States of Russia: Culmination and Frustration. 1905-1920» [Фогльсонг: 34-59], нет ссылки на Ивана Народного. Идея, конечно, носилась в воздухе [Уоллинг 1907: 734], но замечательно, что «реализовалась» она в деятельности российского эмигранта-авантюриста эстонского происхождения. (Забавно, что Фогльсонг начинает раздел о США с рассказа о турне по Америке другого эстонца – баптистского проповедника барона Вольдемара Иксюля [Фогльсонг: 34-35]). Способность улавливать и фиксировать мифо-поэтические сигналы у Ивана Народного-Сибуля была уникальной.

²² The Literary Digest, vol. 32 (1906): 778.

Надо полагать, что на обедах в честь Горького Народный рассказывал (или хотел рассказать) гостям о своих воображаемых революционно-конституционных заслугах во время Нарвского и Кронштадтского восстаний. Так, в одном из своих первых американских интервью, данном члену коммуны Клуб А журналисту Г. Брубейкеру, он заявлял, что был основателем «The First State of the Republic of Russia», созданной по модели Швейцарской республики, со столицами в Риге и Ревеле, сенатом, местными самоуправлением и судами, а также собственной денежной единицей, на которой написаны были слова «United Baltic Republic» и изображено дружеское рукопожатие (напомним, что будущий революционер Ян Сибуль был в конце XIX века арестован за подделку ассигнаций). Соеди-

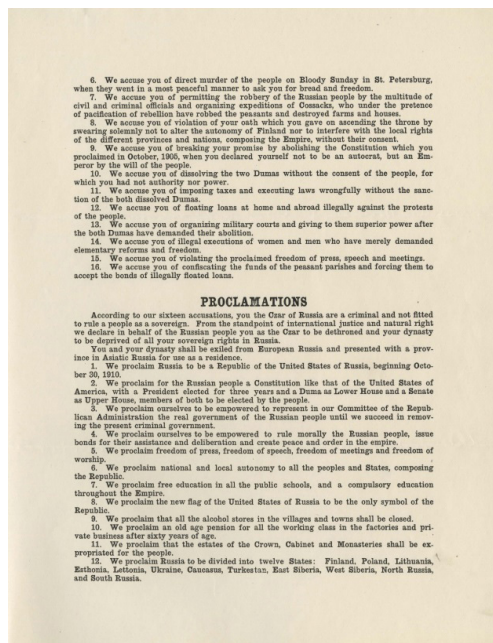
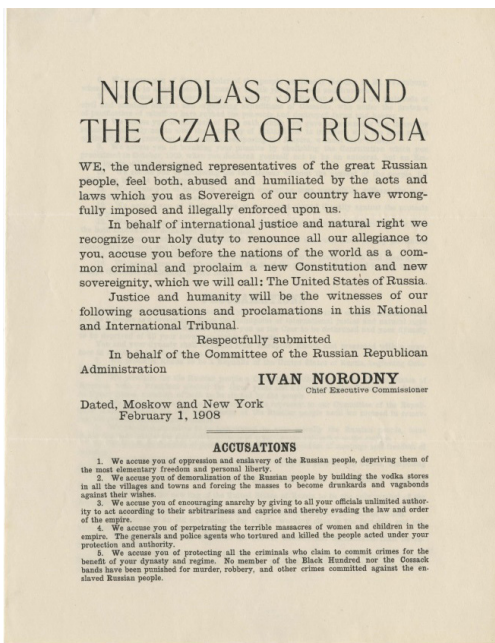
*Иван Народный как основатель
Соединенных Штатов России (1908)*

Впоследствии фантомная конституция мифической республики была положена Народным в основу его «Декларации независимости России», провозглашенной им в начале 1908 года (замечательна датировка на документе: Москва и Нью-Йорк, 1 февраля 1908 года). В 12 пунктах последней «Chief Executive Commissioner» новой страны «Ivan Norodny» объявлял от имени Комитета российской республиканской администрации династию Романовых низложенной, изгонял царя в Азиатскую Россию, провозглашал создание республики Соединенные Штаты России с 30 октября 1910 года, вводил конституцию, подобную американской, с выборным на три года президентом, нижней (Дума) и высшей (Сенат) палатами,

члены которых избираются народом, свободой прессы, слова, собраний и вероисповеданий, бесплатным образованием, национальной и местной автономией для народов, населяющих СШР, новым флагом (он его сам нарисовал на основании американского), закрытием всех винных магазинов, пенсиями трудящимся, достигшим 60 лет, экспроприацией земель, принадлежащих бывшей династии, правительству и монастырям, и разделением России на 12 штатов: Финляндию, Польшу, Литву, Эстонию, Украину, Кавказ, Туркестан, Восточную Сибирь, Западную Сибирь, Северную Россию и Южную Россию²³.

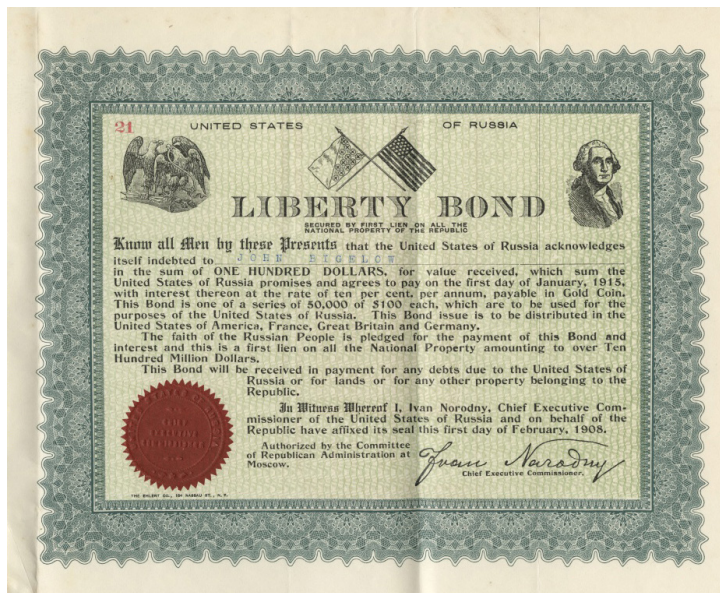
«Декларация независимости России» была «*respectfully submitted*» (с уважением представлена) низложенному и осужденному Народным царю – галантность, едко высмеянная в журнале американских анархистов «Mother Earth», назвавшем автора этого документа спекулянтom и самозванцем, порочащим революционное дело²⁴.

²³ Текст Декларации цитируется нами по цифровой копии этого документа в архиве [Bigelow].

Декларация о низложении Николая II [Бигелов]²⁵

К оглашению Декларации Народный также приурочил выпуск «бондов свободы» под обеспечение будущих США. Обратите внимание на символическое изображение президента Вашингтона с долларовой купюры на дошедшем до нас экземпляре одной облигации, а также выдуманнные Народным флаг и герб новой России (последний представляет собой расщепление двухглавого орла, превращенного в двух воркующих птиц):

Бонд свободы [Бигелов]²⁶

²⁵ См.: <http://schaffer.union.edu/Bigelow/images/correspondence/Narodny_1908-02-01B.pdf>

²⁶ См.: <<https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/muse.union.edu/dist/3/23/files/2013/05/Bond.jpg>>

Очевидно, стихотворение Маркхэма задним числом воспринималось Народным как своеобразный гимн придуманной им свободной России. Последняя, как следует из всех его интервью и публичных лекций 1906-1908 годов, вот-вот должна воспрянуть ото сна и, перефразируя другого певца российской вольности, на обломках самовластья вскоре должны будут появиться имена вождя республики Ивана Народного и ее буревестника Максима Горького. Исторические факты не интересовали Народного, samozабвенно (или точнее, само-незабвенно) творившего для радовавшейся обманываться американской публики воображаемую историю России, в освобождении которой он играл решающую роль. Все, что нужно ему было от американской общественности в настоящий момент, - это щедрые финансовые пожертвования на благородное дело.

* * *

Надеждам Народного на крупный сбор денег «под Горького» не суждено было сбыться. 14 апреля 1906 года разразился грандиозный скандал, связанный с публикацией в «New World» информации о «двоеженстве» писателя (как известно, Горький приехал в Америку с незарегистрированной супругой-актрисой). К этому скандалу, как мы пишем в другой статье, Народный приложил свою руку: он выдумал и растиражировал увлекательную шпионскую историю о том, как российская разведка дискредитировала писателя в Америке несмотря на превентивные меры и спасительные советы со стороны Ивана Народного, имевшего своих агентов в самом сердце охраны.

От помощи Горькому отказались почти все либеральные американцы, кроме Эдвина Маркхэма. Последний поверил анонимной статье, опубликованной в воскресной желтой газете «New York American», в которой, на основании показаний друга писателя (несомненно Ивана Народного, активного сотрудника этого издания), утверждалось, что в царской России действует подпольное правительство революционеров, наделенное юридическим правом регистрации революционных браков, которые станут действительными после скорой революции²⁷. Эти браки, сообщал Народный, ни при каких

²⁷ «Gorky Divorced and Rewed by Rebel law: Famed Author's Ally Breaks an Oath to Save Name of Russian's Wife» // *New York American and Journal*. Sunday, April 15, 1906. Некий друг Максима Горького (читай: Иван Народный) рассказал о подробностях романтической женитьбы писателя “under stress of deep emotion, for their very discussion involved breach of faith with his countrymen: the violation of an oath.” Тайна заключалась в том, что в настоящее время в России (как некогда на Кубе) существует временное республиканское правительство, имеющее отделения в каждой губернии и брачные законы, принятые несколько лет назад. Тысячи мужчин и женщин соединены в браке в соответствии с этими законами, но связаны клятвой не разглашать эту тайну даже под угрозой смерти или долгого тюремного заключения. Именно по законам этого революционного правительства и был оформлен развод Горького с его первой женой и брак с госпожой Андреевой, являющейся законной супругой писателя, с точки зрения будущего правительства России. Горький и Андреева вынуждены хранить молчание, чтобы не подвергаться смертельной

условиях не могут быть преданы огласке, ибо раскрытие тайны угрожает смертью членам революционного правительства (заметим, что Народный сам был двоеженцем, оставившим первую жену и двоих сыновей в Эстонии и привезшим из Финляндии новую жену – и тоже актрису).

Маркхэм, ссылаясь на эту статью, пишет Горькому письмо, в котором выражает искреннюю поддержку в борьбе за великую цель русской свободы и призывает открыть тайну революционного брака широкой американской публике:

Я прочел в воскресном «Нью-Йорк Америкен» заметку относительно Вас и Вашей жены, которая находится сейчас с Вами в Америке. Там объясняется дело о вашем разводе и о второй женитьбе, состоявшейся по законам Временной русской республики. Это объяснение проливает свет на все дело. Ибо все друзья тех, кто борется за свободу в России, поймут, что декреты Вашей Подпольной республики имеют силу закона и этого вполне достаточно. Но это объяснение должно быть точас же передано Ассошиэтед Пресс и всем ньюйоркским газетам. Сегодня оно появилось только в «Нью-Йорк Америкен» [Горький 1960: 302]²⁸.

В этом письме Маркхэм также дает Горькому несколько советов о том, как лучше организовать лекционное турне по Америке осенью – зимой 1906-7 годов²⁹.

В другом письме к некоему Dr. Fite от 16 апреля 1906 Маркхэм вновь обращается к теме подпольного республиканского правительства в России, о котором он узнал из статьи, атрибутируемой нами Народному:

Существует такая Временная Российская Республика [...]; и чета Горьких была разведена и сочеталась браком по законам Подпольной Республики ... Я думаю, что Тайная Российская Республика должна быть более авторитетна в глазах Бога, нежели шатающаяся тирания. [...] В этот самый момент царские войска мучают девушек и женщин, которых тащат по снежным просторам Сибири (ср. последнее

опасности членов тайных революционных организаций, оформляющих брачные отношения новой России.

²⁸ В забавном примечании к этому письму, опубликованному в 8-й книжке архива Горького в 1960 году, говорится о том, что «Э. Маркхэм в своеобразной форме говорит о революционном подполье в России, о новой революционной этике, отвергавшей церковный брак, боровшейся против порабощения женщины» [Горький 1960: 303]. Никакого «эзопова языка» тут не было. Маркхэм принимает на веру статью в бульварной газете.

²⁹ «The idea of a lecture tour, outlined projected program: 40 minutes of trading from Gorky's works, to be followed by a 20 min address on the evils of Russian tyranny» (The Markham Review, vol. 1-2 (1968)).

предложение со стихами из заключительной строфы оды
Маркхэма, - *И.В.*)³⁰

Согласно воспоминаниям сына Маркхэма Виргилия, американский поэт продолжал поддерживать отношения с Горьким во все время его пребывания в Америке, часто навещал его в доме Мартинов на Стейтен Айленд и беседовал с ним. Русский писатель был глубоко признателен Маркхэму за его помощь («remained grateful for Markham's efforts in his behalf»³¹).

1917 – 1921: «Над Балтикой вольная весть пронеслась...»

Вернемся к революционной оде Маркхэма. О ней очень быстро забыли и вспомнили только 10 лет спустя, в связи с Февральской революцией. Теперь это стихотворение начинает восприниматься американской общественностью как визионерское и адресованное новому лидеру свободной России – А.Ф. Керенскому. 10 мая 1917 года Маркхэм читает его на организованном Американскими Еврейскими Друзьями Свободы банкете в Hotel Astor в присутствии бывшего президента Тафта и более 600 деятелей еврейской общины Нью-Йорка. Пророческое стихотворение («prophetic poem»), написанное американским поэтом-патриархом десять лет назад и вызвавшее, как он сам сообщил, аресты в России, было тепло принято публикой³².

Основатель Гуманитарного культа (Humanitarian Cult) Миша Эпплбаум предложил поэту выступить со «стихами о Керенском в качестве приношения российской нации» («as a tribute to the Russian race») на митинге на Мэдисон Сквейр Гарден и опубликовать их в сентябрьском номере издаваемого им журнала «The Humanitarian»³³. Газеты сообщали, что на пацифистской демонстрации на Мэдисон Сквейр в честь российской миссии собралось 14000 человек. Публика в течение 15 минут размышляла флагом новой России. Все речи были по-русски, кроме одной, – Эдвина Маркхэма, который прочитал стихотворение «Russia, Arise!» «Я написал это стихотворение 10 лет назад, - рассказывал Маркхэм, - [о]но было разослано по всей России и раздавалось там революционерам. Один человек имел дерзость читать его вслух на улицах и, по тогдашнему обыкновению, был заключен за это в темницу на 18 месяцев. Новые стихи о свободе ныне читаются и поются по всей России. Это самое счастливейшее время моей жизни»³⁴.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Jewish Emancipation Banquet // The American Hebrew and Jewish Messenger, May 18 (1917): p. 40. Ср. также «историю стихотворения», приведенную в «Chicago Commerce» в 1919 году: «Ten years ago he wrote Russia Arise, a poem which strangely forecast the recent revolution. The poem made a sensation in the Russian capital. A translation sent to Russia by a Russian in New York who read it at a public meeting». Смелычак был «sent to jail for a year and a half» (Chicago Commerce, vol. 13 (1919): 34).

³³ Гуманитарный культ» Эпплбаума представлял собой “a movement to relieve the oppressed, the sick and to do every thing within its power now and here” (Health Culture, vol. 23 (1917): 230).

³⁴ Russia's Mission Met Here with Cry for Peace: Pacifists Denounce War // New-York Tribune (1911-1922), Jul 8 (1917).

2 августа 1917 года Маркхэм пишет письмо новому символическому адресату своей оды - премьеру России «дорогому и достопочтенному товарищу» А.Ф. Керенскому. Приведем никогда не публиковавшийся текст этого колоритного послания полностью:

The heart of the world is thrilling with the hopes of a Free Russia. We look to regenerate Russia to be the leader of the advancing Democracy of the world; so we feel that in her fate is involved the fate of a free humanity. The conscripts of freedom in all lands rejoice in the fact that your hand is on the lever of Russian destiny. They know your courage; they believe in your wisdom, they confide in your devotion. May all good powers defend and befriend you in these hours so big with fate, in these hours that are placing your name with the names of Washington and Mazzini and with all the heroic servants of mankind.

When the envoys of your Government were in New York City a few weeks ago, one of your representatives suggested that I send to you my poem on Russia, a poem that I read at the celebration in Madison Square garden. It now happens that a compatriot of yours is leaving America on her way to Russia, and I am sending the poem by her hand. The poem, called «Russia, Arise», was written by me ten years ago. It was translated into your language and sent to Russia, where it was read to a multitude upon the streets of one of your great cities. The reader was immediately arrested for this treason and sent to prison for eighteen months.

I also venture to send you my first volume of poems, the one consisting “The Man with the Hoe”, a poem that has been translated into all languages. I hope that you will find that this poem breathes the spirit that is at the heart of the Russian Revolution.

Yours in the fellowship of the great hopes,

Edwin Markham³⁵ [Маркхэм].

³⁵ См.: < <https://wagnercollections.omeka.net/items/show/5092> > Перевод: «Сердце мира волнуется надеждами Свободной России. Мы стремимся возродить Россию как лидера наступающей мировой Демократии; и потому мы чувствуем, что в ее судьбу вовлечена судьба свободного человечества. Добровольцы свободы во всех странах радуются тому, что ваша рука находится на штурвале российской судьбы. Они знают ваше мужество; они верят в вашу мудрость, они доверяют вашей преданности. Пусть все добрые силы будут защищать вас и оказывать вам дружескую поддержку в эти часы, когда определяется грядущая судьба, в эти часы, которые ставят ваше имя

Совершенно очевидно, что приведенная выше апокрифическая история о чтении оды в России в первую революцию и о тюремном заключении ее смелого чтеца восходит к рассказу приятеля Маркхэма и горячего сторонника Керенского Ивана Народного³⁶. Это очередной мыльный пузырь, созданный его пылким воображением. В одном из своих интервью «великий социал-американский поэт» Маркхэм («the great Social-American Poet, Edwin Markham») рассказал, что эта ода была прочитана «десять лет назад на улицах Петрограда Иваном Иродни (*Ivan Irodni!*) и так воспламенила народ, что власти бросили этого человека в тюрьму на пятнадцать месяцев»³⁷ (как видим, срок заключения за публичное чтение этого произведения в России все время меняется).

Между тем, перед нами не просто фантазия Народного, транслируемая его доверчивым американским знакомым. У этой истории (как и у множества других подделок и мистификаций Ивана Ивановича), судя по всему, была своя практическая цель. Сразу после февральской революции он вспомнил о своем героическом революционном прошлом. После отречения царя Народный и его ближайшие друзья (все они были замешаны в афере, связанной с торговлей оружием и субмаринами якобы от имени Российской империи в годы Первой мировой войны³⁸) объявили себя официальными представи-

рядом с именами Вашингтона и Мадзини и со всеми героическими помощниками человечества. Когда несколько недель тому назад посланцы Вашего правительства оказались в Нью-Йорке, один из Ваших представителей предложил мне отправить Вам стихотворение о России, стихотворение, которое я прочитал во время празднования на Мэдисон-Сквер-Гарден. Теперь по случаю отъезда Вашей соотечественницы из Америки в Россию, я посылаю Вам это стихотворение, переписанное ее рукою. Стихотворение «Восстань, Россия!» написано мною десять лет назад. Оно было переведено на ваш язык и отправлено в Россию, где было прочитано толпам на улицах одного из ваших великих городов. Прочитавшего его немедленно арестовали за измену и отправили в тюрьму на 18 месяцев. Я также собираюсь направить Вам свой первый том стихов, который включает в себя «Человека с мотыгой» - стихотворение, переведенное на все языки. Надеюсь, Вы почувствуете, что это стихотворение дышит тем же духом, который лежит в основе русской революции. Ваш в содружестве великих надежд, Эдвин Маркхэм».

³⁶ В 1917 году Народный печатал статьи в поддержку Керенского в нью-йоркской русскоязычной газете «Русский голос» его друга И.К. Окунцова (например, «Соединенные Штаты должны помочь России», 18 августа 1917). О революционных настроениях в Нью-Йорке в 1917-19 гг. см.: [Микелс 2017].

³⁷ Интервьюер так описывала чтение поэтом этой оды: «Giving himself up to the mastery of his own thought, the poet shared his vision in eloquent look, vice and manner. His voice was clear and musical, as the revolutionary feeling grew stronger, his tones deepened in sonorous, rythmical quality, until the listeners themselves were Russian subjects, being fired by the prophetic challenging voice of an American» (Harrisburg Telegraph, Aug 25 (1917): 3).

³⁸ В 1917 году торговые агенты царского правительства обрушились в американской прессе против «темной клики» Окунцова и Народного: «Эти люди без родины, без чести, без каких бы то ни было принципов права и порядка дерзнули посягнуть на интересы самой обороны, когда они дерзнули начать агитацию на заводах, работающих для Русской армии с единственной целью остановить эти

телями Российской республики в Америке и задумали захват российского консульства в Нью-Йорке, сорвавшийся в последний момент. Новый план оказался более привлекателен для этих авантюристов. В марте 1917 года и затем 22 июля 1917 года Народный обратился к министру обороны Нью-тону Бейкеру с просьбой послать несколько экспедиционных корпусов, состоящих из патриотически настроенных американцев для помощи молодой российской республике. Согласно этому плану, один из сотрудников Народного должен был доставить Бейкеру личное послание российскому народу («personal message to the Russian people»), недавно полученное Народным по телеграфу. Экспедиционный корпус предполагалось составить из американских солдат и патриотически настроенных русских – «not socialists or anarchists», - ставших гражданами Америки (сам Народный получил гражданство в 1915 году) и хорошо знавших Россию:

Моральный эффект будет огромным. У меня в распоряжении есть ряд российских беженцев, армейских офицеров, которые готовы сформировать экспедиционный корпус для пропагандистских выступлений и донесения живой вести о республике. Я сам включаю себя в число участников этого предприятия. Представлю подробный план экспедиции, если вы одобряете это начинание³⁹.

В деле Народного, сохранившемся в архиве ФБР, находится датированный 31 июля 1917 года «Меморандум начальника штаба» (Memorandum for the Chief of Staff). Из этого меморандума следует, что Иван Народный обратился в правительство с предложением выслать в Россию экспедиционный корпус в количестве 5000 морских пехотинцев под командованием генерала Пендлтона. По плану Народного, «такой подарок будет бесценен для России» [ФБР 1918-1921]. Из этого проекта ничего не вышло, но какую-то роль легенда о революционных стихах, посвященных патриархом американской поэзии Ивану Народному и распространенных последним в России, должна была играть – своего рода пропагандистски-поэтическое сопровождение авантюры. Заметим, что в самом начале своей политической карьеры, в 1905 году, Иван Народный – тогда еще эстонский социалист-националист Яан Сибуль-Талуне, - издавал в Берлине журнал на эстонском языке «Edu» (Успех), где напечатал эстонскую революционную (боевую) песню своего сочинения⁴⁰, которую, по сохранившемуся свидетельству современника, действительно распевали рабочие Нарвы зимой 1906 года [Революция 1905-1907: 265].

заводы, внести анархию в стройную доселе систему труда...» [Гайдук 1918: 117].

³⁹ См.: Old German Files, 1909-21. Alleged Seditious Article (#8000-13106) <<https://www.fold3.com/image/56196121?terms=Narodny%20expedition>>

⁴⁰ «Woitluse laul» // Edu, no. 4, September (1905): 8.

Октябрьскую революцию Народный не принял⁴¹, но заработать на ней постарался. Вместе со своими друзьями и бизнес-партнерами он попытался организовать американский антибольшевистский экспедиционный корпус во Владивосток⁴². Он также убеждал американскую администрацию купить через его посредничество чудесное радиоуправляемое оружие, способное уничтожить большевиков на расстоянии, и предлагал свои услуги в качестве торгового представителя Америки по закупке сибирских мехов и миллиона галлонов водки.

Как и в былые годы, свои проекты и просьбы Народный сопровождал «фантомными» публикациями. Так, 9 января 1919 года в газетах были напечатаны выдержки из письма бывшего президента Америки Рузвельта к Ивану Народному, вице-президенту Русско-Американско-Азиатской корпорации. В этом письме (очевидно, придуманном самим Народным) Рузвельт возмущался деятельностью большевиков и выражал надежду на возрождение «настоящей республиканской России, демократической России, Соединенных Штатов России»⁴³. В 1921 году Народный сообщил прессе о том, что кронштадские матросы пригласили его возглавить мятеж против Ленина и что он это приглашение принял и отправится в Россию, как только получит деньги от государственного департамента. Этим планам также не суждено было сбыться. Народному, деловая и политическая репутация которого к концу 1910-х годов была плачевна («худший мошенник, когда-либо приезжавший из России» в Америку [*the worst fraud that ever came out of Russia*]), как писал о нем один из агентов ФБР⁴⁴), просто не выдали паспорт.

В 1918-21 гг. Народный активно участвовал в создании Лиги независимых балтийских государств, способствовал становлению эстонской независимости, опубликовал брошюры об эстонской душе, склонной к безудержному фантазированию, и о влиянии эстонцев на российскую демократию, выступил посредником по доставке английских аэропланов в Эстонию [Китвель 2017], но вскоре разошелся с балтийскими националистами (глобальная мечта о Соединенных Штатах России никогда не оставляла его) и на время оставил политику.

⁴¹ Весной 1917 года Народный и его друзья приняли участие в кампании по дискредитации приехавшего в Нью-Йорк Л.Д. Троцкого, сотрудничавшего с враждебными группами Народного российскими изданиями. В письме к Керенскому Народный утверждал, что у него есть доказательства того, что Троцкий и другие социалисты, отправившиеся из Америки в Россию, брали деньги от немецких агентов [Спенс 2017: 33-55]. В то же время агенты ФБР считали самого Народного и его друзей немецкими шпионами.

⁴² Судя по всему, какие-то слухи о создании «Соединенных Штатов России» достигли Владивостока [Фогльсонг 2007: 55].

⁴³ Harrisburg Telegraph, Jan 9 (1919): 10.

⁴⁴ Old German Files, 1909-21. Alleged Seditious Article (#8000-13106). <<https://www.fold3.com/image/2168096?terms=Narodny%20fraud>>

1925-1929: «И потому, что не меркнет мечта...»

В 1920-е годы им овладела другая идея, не менее революционная и фантастическая по своему характеру – создание богемной космократической религии искусства, которая позволит сторонникам Народного (американским филантропам, модернистам и русским футуристам, бежавшим от большевиков) подготовить культурную метафизическую революцию в Америке – восстание против торгашеского духа и механизации жизни. В середине 1920-х годов Народный, еще в 10-е годы выступивший как теоретик балета и модернистской живописи⁴⁵, формирует вокруг себя кружок поэтов и художников, названных им (очевидно, по аналогии с передвижниками) Артелью искусств (Artel of Arts) или пилигримами, издает авангардистский журнал «Pilgrims Almanach», в котором печатает свои манифесты («Созидатели, работники мысли, интеллигенция всех стран, соединяйтесь!»⁴⁶) и революционную (в эстетическом смысле) научно-фантастическую «мимодраму» «Небесная дева» (Skygirl; с иллюстрациями, в частности, Давида Бурлюка и Роберта В. Ченлера [Народный 1925]), разыгрывающую в теософском ключе сексуальную драму его жизни⁴⁷. Он также сближается с Николаем Рерихом, участвует в деятельности его организации, пишет программную статью о его мистическом искусстве [Народный 1926] и пропагандирует его миссию в своих публикациях. С начала 1910-х годов Народный на регулярной основе печатает сенсационные статьи для воскресных номеров газетной империи Херста. Его перу принадлежит большое число мистификаций и подделок, включая, как мы установили, и широко известное «пророчество Льва Толстого» о первой мировой войне и спасителе мира – монголо-славянина (Mongolo-Slav) и журналиста (в печати).

В конце 1920-х – начале 1930-х годов Народный ведет переговоры об обмене выставок американских и советских современных художников («Американская комната» в Эрмитаже и «Советская» – в Бруклинском му-

⁴⁵ В 1910-20-е годы Народный напечатал программные книги «The Dance» (1916), «Dancing with Helen Moller: Her Own Statement of Her Philosophy, and Practice and Teaching Formed upon the Classic Greek Model, and Adapted to Meet the Aesthetic and Hygienic Needs of To-Day» (1918), «The Art of Robert Winthrop Chanler» (1922) и «American Artists» (1930). Он также опубликовал множество статей о спиритуальном и социальном смысле балета и живописи, участвовал в организации нескольких музыкальных фестивалей и выставок современного русского и американского искусства, а также раскрыл в конце первой мировой войны «заговор» немецких музыкантов Нью-Йорка, задумавших свергнуть американское правительство с помощью оружия, пронесенного в футлярах контрабасов и скрипок.

⁴⁶ «Creators, brain-workers, Intelligentsia of the world, unite!» (Manifesto! // The Pilgrims Almanach, no. 2 (1925): 3.

⁴⁷ Т. Китвель пишет, что Народный «был первым эстонцем, пошедшим по следам таких корифеев научной фантастики, как Жюль Верн, Герберт Уэллс, Эдгар Аллан По, Марк Твен и др.» [Китвель 2017]. Думается, что более значимыми для него были другие имена - Елены Блаватской и Николая Рериха. Народный считал себя теософом, а не научным фантастом.

зее) [Фокс] и, как следует из его травелога, опубликованного в 1928 году в журнале «Asia», приезжает с «культурной миссией» в Советскую Россию, где, в частности, встречается с «метафизическими» советскими революционерами, недовольными новым репрессивным режимом⁴⁸.

Этот период деятельности Народного (реальной и воображаемой), безусловно, заслуживает отдельного разговора. Следует заметить, что старый Маркхэм продолжал принимать участие в культурно-теургических проектах Народного. Так, в 1925 году поэт-патриарх читает свои стихи на специально созданной по плану Народного сцене космоистического (Cosmotheistic) Храма искусства в Нью-Йорке (декорации святилища с алтарем для танцев, речей и церемониальных приношений, включавших денежные пожертвования, были подготовлены одним из «пилигримов», польским художником N. Sіckowsky). Выступление «бессмертного» певца трудящегося народа Маркхэма продолжалось более получаса и сменилось музыкальным дивертисментом и танцевальным номером трех юных и совершенно обнаженных балерин⁴⁹.

«Богемный» период Народного – сотрудника Николая Рериха и секретаря и гуру эксцентричного американского художника-модерниста, хозяина легендарного нью-йоркского «Дома фантазии» Боба Ченлера (из семьи миллионеров Асторов [Морелл 1939; деКассерес 1934; Драпала 2016]) – закончился со смертью мецената и началом Великой депрессии. Народный обанкротился, сделался анахоретом и занялся поисками «ключа времени» - то есть созданием науки «хронософии» (своим предшественником он называл Велимира Хлебникова и даже опубликовал фрагменты из «Досок судьбы» последнего, полученных, несомненно, от Давида Бурлюка, – первая американская «публикация» Велимира⁵⁰!). Себя самого он теперь именуется мудрецом и ученым, еще в 1906 году предсказавшим, на основании своих вычислений, свержение царизма и создание СССР.

«23 года прошло с того времени, как виделись мы по эту сторону океана, - писал Народный Горькому 5 ноября 1928 года, - то было интересное и живое время. Поневоле вспомнишь: живописные лики – Марка Твена, О.Генри, Уптона Синклера и Артура Брисбейна, из них многие с тех пор отошли уже от земных берегов, а также наши личные разговоры на политические и иные

⁴⁸ Ivan Narodny, «Leningrad to a Returned Wanderer» // *Asia*, vol. 28, no. 7 (Aug. 1928): 646-652; «The Proletarian Mecca» // *Asia*, vol. 28, no. 8 (Sept. 1928): 720-725, а также статья «Russia's New Church Music» в журнале «Musical America» (May 26, vol. 48), в которой Народный описывает свои впечатления от посещения церковно-музеев в Ленинграде, в которых советский народ исповедует новую религию под названием... «пролеткульт».

⁴⁹ *Arts & Decoration*, vol. 24 (1925): 78. Народный был активным сторонником «дионисийских» танцев нагишом, о чем убедительно свидетельствуют фотографии, помещенные им в его книгу «Dancing with Helen Moller» (1918).

⁵⁰ Ivan Narodny. *The Key of Time* // *Pilgrims Almanach* (1926), №5, p. 43-48; Ivan Narodny, *Former Russian Revolutionist, Has Discovered the «Key to Time»* // *The Brooklyn Daily Eagle*, June 5 (1936): 1.

темы» (ИМЛИ, Архив А.М. Горького. КГ-П-53-7-1. Л. 1⁵¹). В этом же письме Народный жалуется на свою американскую судьбу и просит Горького о помощи в организации поездки в Советский Союз:

Я завоевал себе в Соединенных Штатах прочное положение журналиста, критика по вопросам искусства / сотрудничаю в журналах много пишу о музыке /, а также мной выпущено в свет большое количество книжек, но, по прежнему, я – босяк, бродяга всегда готовый к новым скитаниям духа. Я хотел бы вновь увидеть [sic!] Вас и потолковать с Вами, но уже не о политике, не о литературе даже, а предметах высших / религиозных / запросов наших Я, , философии смысла человека и вселенной / «Макро и –микро-космосов/ Обы [sic!], ведь мы изменились более смотрим в грядущее более можем заняться «своим» /. То что интересовало нас 23 года назад – осталось позади. А в этом мире, вероятно, осталось провести уже перечтенные года и пора нам решить вопрос о последних заботах человека на земле.

Я желал бы посетить Вас в СССР. ближайшим летом, если соберусь с силами, но не кажется ли Вам что моя 20 летняя проповедь [sic!] здесь «Соединенных Штатов России», какую я вел в Америке неустанно, без поддержки, за свой страх и риск должна –бы быть оценена в СССР. Я должен получить там хотя –бы малость госперимущества, того рода, что дается теперь американским ученым и туристам.

Я не жду материального признания, но лишь моральное. Худшее – мой ближайший друг Мих. Андр. Рейснер умер, он и Владимир Ильич --- они бы приняли меня как своего старинного друга.

Из других друзей Николай Евгеньевич Буренин Рейнгольд Морисович Глиер и Вы, Алексей Максимович --- единственные, что остались, как живая моя связь с родиной. Постепенно я завязываю с СССР. новые связи и так хотелось бы там побывать. Устраиваю в Бруклинском Музее комнату Русского –искусства и в Ленинградском Эрмитаже такую же Американского, работаю по приглашению местной Метрополитен опера – хаус Советского балета, вот то, что делаю теперь ради культурного сближения СССР. и СД.С.Ш. [sic!] (печатается с сохранением орфографии и пунктуации Народного, - *И.В.*).

⁵¹ Выражаю искреннюю признательность О.В. Быстровой за помощь в ознакомлении с текстом этого письма.

Следует отметить некоторую странность, заключающуюся в просьбе Народного. Из текста письма следует, что он до сих пор не был в Советском Союзе («так хотелось бы там побывать»). Между тем в упоминавшихся выше статьях, опубликованных в журналах «Asia» и «Musical America» и обильно проиллюстрированных фотографиями, взятыми из разных газет, Народный детально описывает свой визит в Ленинград и Москву летом 1927 года (27 июля 1927 года он уже возвратился в Нью-Йорк из Франции): посещения театров; встречи с советскими писателями и богемным литературным кружком прекрасной княгини Куракиной, представившей слушателям картину и стихи Давида Бурлюка – те самые, что были опубликованы самим Народным в «Pilgrims Almanach»⁵²; разговоры с политическими деятелями, «блестящей сестрой Троцкого и одной из самых известных революционерок» Ольгой Каменевой⁵³ и загадочной Марией Михайловной «из Кремля», поведавшей Народному о том, что на самом деле Ленин скончался от воздействия невидимых вибраций, аккумулировавших негативные эмоции четырех миллионов русских эмигрантов, ненавидящих советскую власть, лишившую их родины; беседа с монгольским ламой-коммунистом, изложившим в свойственной Народному витиеватой форме рериховские идеи и любезно обменявшим имевшееся у него оригинальное письмо монгольского правителя Кублы Хана к великому киевскому князю Владимиру на принадлежавший Народному автограф письма Владимира Ильича Ленина⁵⁴, и т.д.

В других газетных публикациях сообщалось, со слов Народного, что из Советской России он вывез ценную византийскую икону XII века, купленную им у любовницы «монаха Распутина», который в свое время выкрал эту икону из Кремля. Несмотря на то, что Народному удалось получить разрешение на вывоз этой иконы из СССР, он был, по его словам, арестован в Нарве на эстонской границе и возвращен в Ленинград. К счастью, благодаря вмешательству влиятельного советского друга Народный сумел выехать в Америку и увезти с собой драгоценную икону, которую он впоследствии имел удовольствие показать художникам в квартире Боба Ченлера (Народный также объявил, что ведет финансовые переговоры с директором Бру-

⁵² Эта мифическая Куракина, по словам Народного, подарила ему дневники своей прапрабабки Анны, раскрывшие тайну отношений последней с адмиралом Джоном Полом Джонсом. Народный впоследствии опубликовал эти дневники в своем «переводе» («The diary of a maiden; the secret bride of John Paul Jones in the court of Catherine the Great. Adapted by Margarita Orlov & Louise Bargelt. Translated by Ivan Narodny» [1935]). Эта мистификация Народного (одна из многих) вызвала скандал, закончившийся долгим судебным разбирательством [Вэнс].

⁵³ В 1925-29 гг. О.Д. Каменева была председателем Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

⁵⁴ В 1930 году Народный сообщил прессе, что это письмо было украдено из его квартиры на Риверсайд Драйв наряду с другими ценными историческими документами и артефактами, а именно письмами к нему президента Рузвельта, Ленина, Толстого, Чехова и Римского-Корсакова, а также рубенсовской миниатюрой Мадонны, персидской золотой вазой и древней «пергаментной Библией» (New York Herald Tribune, Aug. 7, 1931). Свои потери Народный оценил в 5000 долларов.

клинского музея Вильямом Фоксом, большим ценителем русского искусства, о том, чтобы предоставить эту икону во временное пользование музею⁵⁵). Между тем в статьях о России, опубликованных в журналах «Азия» и «Musical America», Народный почему-то не упоминает об этом замечательном приключении.

Мы полагаем, что все это увлекательное путешествие в Советскую Россию было целиком воображаемым или, в терминах самого Народного, ментальным. Нам известно, что Народный в 1927 году действительно был в Париже со своим патроном Робертом В. Ченлером, которого он очень хотел отвезти в Советский Союз, но тот в последний момент передумал ехать и якобы (опять же, со слов Народного) отправил туда своего приятеля-секретаря⁵⁶.

Вернемся к ностальгическому письму Народного к Горькому от 5 ноября 1928 года. После просьбы о содействии в организации путешествия в СССР Иван Иванович напоминает адресату о тех душевных беседах, которые они вели в далеком 1906 году и сообщает о том, что решил посвятить Алексею Максимовичу свои мемуары, написанные в манере «Дон Кихота»:

Я по прежнему занят темой, о коей говорил вам в доме 3 по Пятой авеню в давние дни. Я решил эту новеллу посвятит [sic!] Вам. Название «Моя святая Легенда». Написана она в стиле «Дон- Кихота» и охватывает всю мою жизнь, полную приключений как одно полное смысла целое. Три части: Мой сценарий, мое действие и мое обозрение. Я сам – являюсь в трех персонажах: драматурга, актера и критика. Желал бы поговорить с Вами и насчет этого труда.

О каком именно произведении идет речь в этом письме, мы не знаем (еще в 1909 году Народный выпустил сборник квази-биографических повестей, озаглавленный «Echoes of Myself: Romantic Studies of the Human Soul» и отправленный им графу Льву Толстому; в 1912 году он напечатал в газетах фрагменты из своей автобиографии под названием «Drama of My Life»; в 1930-е годы пытался продать издателям свои мемуары, фигурировавшие под

⁵⁵ Artist Shows Ikon Stolen by Rasputin // Leader-Telegram, Aug 16 (1927): 10. В переписке Народного и Фокса 1928-1933 гг. нет ни слова об этой иконе [Фокс]. 15 лет спустя Народный напишет Буллит, что эта икона св. Екатерины теперь висит в Кремле и под ней скрывается написанный по-английски текст его пророчеств 1927 года о будущем советской России (письмо от 22 марта 1942 года). Ссылки на письма Народного к Буллит даются по: William Bullit's papers, MS 112, #1, box # 61, folder # 1489, Yale University.

⁵⁶ Роберт Ч. Вильямс обратил внимание на сходство московских встреч Ивана Народного с путешествиями его друзей и патронов в столицу СССР – видного художественного критика, коллекционера и организатора российско-американских культурных связей Кристиана Бринтона, посетившего Советскую Россию в 1925 году, и Николая Рериха (визит 1926 года) [Вильямс 1980: 102]. Возможно, что именно детали этих двух путешествий и воспламенили воображение Ивана Ивановича.

названиями «My New York Days and Nights», «The Playboy of a Magic Plane» и, наконец, «Don Quixotian Erlebnissen»). Из приведенных примеров ясно, что к себе самому Иван Иванович относился как к философу и «духовному» бродяге, а к своей жизни - как к загадочной авантюрной драме, сочинителем, участником и интерпретатором которой являлся он сам.

Встретиться с Горьким и поговорить о высших предметах ему уже не довелось. И в СССР он так и не побывал физически, хотя в 30-40-е годы несколько раз туда собирался и намекал, что был там инкогнито (то есть, надо полагать, неуловимо-мысленно). В 1933 году Народный сообщил первому послу США в СССР Джону Буллитту о том, что работает над начатой им пять лет назад книгой, составленной из писем к нему пятидесяти советских граждан, представляющих самые разные общественные слои и профессии. Эта книга, по его словам, должна будет раскрыть миру психическую сторону жизни советских людей, стать откровением о «советской социальной душе» («Soviet social soul») [Буллит].

1938-1948: «И часа ждут колокола в Кремле...»

Во второй половине 1930-х годов Народный возвращается к политической (точнее, политико-пропагандистской) деятельности. Мир, пишет он одному из своих корреспондентов, вновь оказался накануне великой войны и грандиозной революции⁵⁷. И вновь в центре катастрофических событий будет находиться Россия и тайная группа ее освободителей во главе с самим Народным. Последним необходимы новые эффективные средства для психологической и телепатической борьбы с врагами свободы (этими средствами он называет радио, кино и журналистику).

В эти годы Народный становится активным антикоммунистом и антисталинистом. Личным стимулом к его «борьбе» с советским режимом послужило раскулачивание его родственников (реальное или воображаемое)⁵⁸, а затем – захват Эстонии советской армией. В своих статьях и письмах Народный представляет себя, свою теорию психической революции, как альтернативу Сталину и Ленину. Еще в статье 1928 года, описывавшей его воображаемый ночной визит в Кремль, Народный приводил слова таинственной Марии Михайловны (кажется, ее прототипом в его сознании была А.М. Коллонтай) о том, что советские руководители не признают метафизические факторы жизни и живут под механической властью «франкенштейнообраз-

⁵⁷ We live now more and more on the edge of a miracle age, only the people fail to see it» (письмо к литературному агенту Вэнсу, 26 августа 1936 г. [Вэнс].

⁵⁸ Народный утверждал, что его сестра и ее муж были арестованы в 1934 году в Вятке за то, что владели пятью коровами, двумя лошадьми и десятью ульями, якобы подаренными им Народным во время пребывания последнего в Советской России. Дело родственников Народного вызвало небольшой политический скандал в американо-советских отношениях и обсуждалось в газетах («Narodny Case Taken to Soviet; Inquiry Begun» (вырезка из «New York Herald Tribune» находится в деле Народного в ФБР <<http://www.fold3.com/document/29720807/>>

ного чудовища в этом Кремле» (a Frankenstein-like monster in this Kremlin) и не знают, как он него избавиться. Но как только тайная мистическая оппозиция сумеет избавиться от него, страна совершит великие дела.

Главная ошибка Ленина, пишет Народный Теодору Драйзеру в 1932 году, заключалась в панэкономизме и игнорировании психической стороны общественной жизни – главной теме размышлений Ивана Ивановича со времени Таммерфорской партийной конференции. В настоящее время, пишет Народный,

«я работаю над документом, который собираюсь напечатать позднее, в котором я раскрою неизвестные фазы российских потрясений». Он просит Драйзера найти часок-другой поговорить с ним о «секретах массового гипноза и той вещи, которую мы называем судьбою»⁵⁹. Об организации гипнотической борьбы с тиранией и психического противодействия «пятой колонне» советских пропагандистов в Америке Народный говорит в многочисленных письмах к Буллит. (В одном из них он предлагает организовать выпуск антисталинского журнала под названием... «Russia Today» [Буллит]).

В контексте этой святой борьбы он вновь вспоминает о стихах Маркхэма, призывавших Россию к восстанию. В 1938 году Народный публикует удивительную по своему содержанию статью о смерти Горького, озаглавленную «Ода Маркхэма странным образом связана со смертью Горького и его помощника во время Сталинской чистки»⁶⁰. «Средневековая инквизиция, пытки татарских ханов и опричники или живодеры Ивана Грозного не идут ни в какое сравнение с тем, что творится в казематах советского ОГПУ, в лагерях и растрельных подвалах СССР». В результате «долгого и тщательного расследования» Народный установил, что Максим Горький был отравлен доктором Левиным по приказу Сталина, возненавидевшего его за защиту Рыкова и Бухарина⁶¹. Секретарь Горького Крючков, с которым Народный познакомился в 1906 году в Америке (факт, явно вымышленный) заподозрил неладное и имел неосторожность поделиться своими подозрениями с друзьями. К нему тут же нагрянуло ОГПУ. Один из агентов обнаружил в спальне Крюčkова повешенное в рамке стихотворение Маркхэма «Russia, Arise!» Владевший английским языком сыщик прочитал начало этого стихотворения:

⁵⁹ Письма от 22 и 29 января 1932 года // Ivan Narodny with Theodore Dreiser, Correspondence 1910-1932. Theodore Dreiser Papers, ca. 1890-1965. Folder 4360. University of Pennsylvania.

⁶⁰ “Markham Ode Oddly Linked to Death Of Gorky and Aide in Stalin ‘Purge’ by Ivan Narodny, Author of ‘The Russian Declaration of Independence’”. Эту статью Народный вначале предложил уважаемой “Nation”, но там от нее отказались. Она вышла в херстовском «New York American». См. также Ivan Narodny, Markham Ode Linked to Purge of Gorky // The San Francisco Examiner, Nov. 19 (1939): 32.

⁶¹ В другой статье этого времени, посвященной тайнам ОГПУ, Народный «раскрыл» заговор Сталина против Горького: коварный диктатор разрушил здоровье писателя с помощью алкоголя и женщин, которых поставлял ему в изобилии якобы для поддержания творческого тонуса («Liquidations» of Widows for «Suicide» // The Tennessean, June 12 (1938): 50). О версиях смерти Горького см. [Горький 2001]. «Фантазии» Народного составителями этого сборника не учитываются.

Rise, Russia, to the great hour rise:
 The dead are looking from the skies.
 And God's hand, terrible with light,
 Upreaching from the Arctic night.
 This is the hour; awake, arise!
 A whisper on the Volga flies;
 A wild hope on the Baltic leaps;
 A rapture over the Neva sweeps... -

и пришел в ужас: «Боже правый! Да ведь это же открытый революционный гимн против нашего Великого Сталина! Ты арестован! На выход!»

Крючков попытался объяснить, что эти стихи были написаны в 1906 году во время визита Горького в США и посвящены Ивану Народному за его революционную деятельность против царя, но ему не дали оправдаться, сбили с ног и бросили в темницу. На процессе стихи Маркхэма были использованы гпэушниками в качестве доказательства революционной деятельности Крючкова против Сталина Великого и несчастного расстреляли как врага народа. А затем расстреляли доктора Левина и Ягоду.

Но это еще не конец российской одиссеи оды Маркхэма в сознании Ивана Народного. По его словам, спустя несколько месяцев после казни Крючкова Любовь Лядова, хорошо известная концертная исполнительница русских песен (очередной фантом Ивана Ивановича), позвонила в местный суд и попросила предоставить ей автограф стихотворения Маркхэма. Она рассказала, что знаменитый русский композитор Римский-Корсаков (с которым Народный, если, конечно, ему верить, был в свое время хорошо знаком и даже сотрудничал [Стивенсон 1990: 117-131], *The Pacific Coast Musician*, vol. 25 (1936): 8) незадолго до смерти написал прекрасную песню на эти слова и посвятил ее ей. Районный адвокат передал Лядовой это стихотворение, и она спела песню в его кабинете, причем с такой силой, что все были тронуты до слез. Потом она забрала автограф стихотворения и отнесла его как священную реликвию в одну из превращенных в музей московских церквей, где она, по имеющимся у Народного сведениям, висит до сих пор, подобно святой иконе. Увы, судьба (по Народному) не пощадила и эту выдающуюся певицу. В статье, напечатанной в конце 1939 года, Народный рассказывает со слов спасшегося из Соловецких лагерей священника Антония Свердлова (sic!) о том, что Лидия Лядова была арестована, ее жестоко пытали в Москве, а затем оправили в СЛОН⁶². (Попутно заметим, что важнейшей осо-

⁶² Women Degraded - Says Escaped Cleric - In Soviet Prisons. By Father Antony Swerdlov (as told by Ivan Narodny) // *The San Francisco Examiner*, Dec. 17 (1939): 34. На сопровождавшей статью фотографии «отца Свердлова» (Father Swerdlov) изображен бородатый мужчина, похожий на ученого Тимирязева. Вся эта история, разумеется, плод вымысла Народного. Возможно, стимулом к ее созданию стали опубликованные в 1926 году в Англии воспоминания бежавшего с Соловков С.А. Мальсагова (S. A. Malsagof. *An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North*. London, A.M. Philpot LTD. 69, Great Russel Street, W.C.I., 1926. Translated by F. H. Lyon). Благодарю Н.Г. Охотина за любезную консультацию и указание на этот источник.

бенностью мистификаторской деятельности Народного является то, что его фантазии возникали не по отдельности, а гроздьями: одна порождала другую и третью, иногда с интервалом в годы; они дополняли, «поддерживали» и «усовершенствовали» друг друга и складывались в единый прихотливый сюжет, представлявший его мифологизированное видение своей роли в современной истории).

Англоязычная ода Маркхэма в воображении Народного становится священным текстом или образом, символизирующим теперь его ментальную борьбу со сталинизмом. Замечательно, что в том же 1938 году он пишет «письмо» товарищу Сталину, в котором требует от имени миллионов противников тирана, чтобы последний отказался от террора. Приведем этот странный документ, хранящийся в архиве Vance Family Papers (Bowling Green State University), полностью (заметим, что имя Маркхэма упоминается в нем наряду с именами других великих американских друзей русской свободы):

Dear Sir;

Thirty-two years ago I arrived in America as a delegate of the Russian revolutionary organizations to issue a Declaration of the United States of Russia and launch a campaign for liberty and happiness of the Russian people.

I was supported in my mission by President Theodore Roosevelt, Mark Twain, John Bigelow, William D. Howells, *Edwin Markham*, in fact by all outstanding American public men and authors of the time.

I launched my campaign in this country by revealing the greatness of Russian music, ballet, art and literature, and displaying the drawbacks of the age-worn monarchical rule in the American press, until the rule of the czar was overthrown and Russian (sic!) became a republic.

I have visited the Soviet Republics, have observed the prevailing conditions in all regions of the USSR, and I found misery, fear, reckless bureaucracy, persecutions, spies, penal colonies of exiled individualists and industrial farmers, with no sign of liberty or civilized justice. In fact, I found everywhere terror like in the time of Ivan the Terrible. I found my native country under the prevailing proletarian rule far more intolerable than under the rule of the czars, which now has reached a climax of a ghastly nightmare.

I ask you in behalf of the outraged and suffering millions that you stop the ongoing terror, arrests and executions or the outside sympathizers with the suffering people will take some active steps with the unknown results of new agonies and horrors.

Hoping that you will consider this public request seriously.

Respectfully (ОПЯТЬ! – *И.В.*),

Ivan Narodny

Author of the Declaration of the United States of Russia [Вэнс]⁶³.

О реакции Иосифа Виссарионовича на это написанное по-английски вежливое, но твердое послание Народного нам ничего неизвестно⁶⁴.

⁶³ Перевод: «Глубокоуважаемый господин [Сталин]! Тридцать два года назад я прибыл в Америку в качестве делегата российских революционных организаций, чтобы выпустить Декларацию Соединенных Штатов России и начать кампанию за свободу и счастье русского народа. Меня поддержали в настоящей миссии президент Теодор Рузвельт, Марк Твен, Джон Бигелоу, Уильям Д. Хауэллс, Эдвин Маркхэм, - словом, все выдающиеся американские общественные деятели и писатели того времени. Я начал свою кампанию в этой стране, раскрыв читателям величие русской музыки, балета, искусства и литературы и показав в американской прессе недостатки износившегося монархического правления еще до того, как власть царя была свергнута, а русский (*sic!*) стал республикой. Я побывал в советских республиках, наблюдал господствующие условия жизни во всех регионах СССР и везде обнаружил страдания, страх, безрассудную бюрократию, гонения, шпионов, исправительные колонии, изгнанных индивидуалистов и промышленных фермеров, живущих без всякий признаков свободы или цивилизованного правосудия. Фактически я нашел везде ужас, какой был во времена Ивана Грозного. Я нашел свою родную страну под господствующим пролетарским правлением, гораздо более невыносимым, нежели власть царей, и достигшим сейчас апогея ужасающего кошмара. Я прошу вас от имени возмущенных и страдающих миллионов, чтобы вы прекратили продолжающийся террор, аресты и казни; в противном случае сочувственники страдающих людей предпримут некоторые активные шаги с неизвестными результатами, сулящими новые мучения и ужасы. Надеюсь, что вы серьезно отнесетесь к этому общественному запросу. С уважением, Иван Народный. Автор «Декларации независимости Соединенных Штатов России».

⁶⁴ Народный обычно писал письма в Россию по-английски. В 1909 году он отправил написанное по-английски письмо Льву Толстому. Сохранился ответ последнего, написанный карандашом на обратной стороне конверта: «Кто такой Народный. Получен<ы> ли его книги» [Александров 2002: 332]. Краткость Толстого не помешала Народному впоследствии напечатать по-английски «записи» своих разговоров с Львом Николаевичем о религии, искусстве и политике в присутствии А.П. Чехова и Римского-Корсакова. После смерти писателя Народный представил себя близким другом покойного и объявил себя секретарем «the Count Leo Tolstoy Memorial Committee» в Нью-Йорке.

Кроме сталинизма, духовным врагом Народного становится в те годы немецкий фашизм. Большая часть его статей этого времени, опубликованных в воскресных номерах газет Херста, посвящена психической (телепатической) войне с диктаторскими режимами, заключившими людоедский союз, решивший судьбу дорогой для Народного-Сибуля Эстонии. В хранящемся в йельском архиве Буллита открытом письме к вождю нацистских легионов Адольфу Гитлеру от имени лиги Гражданской Обороны Всех Наций вечный защитник свободы Народный требует от тирана отказаться от своих «вандалистских действий и сдаться на милость нашей организованной Международной Полицейской Бригады (International Police Brigade), чтобы быть судимым судом народов; в противном же случае жестокие средства будут использованы для того, чтобы стереть Вас вместе с Вашей шайкой как опасных зачумленных зверей» ([Буллит]). Это письмо, якобы посланное Гитлеру из Киева, подписали Иван Народный из Нью-Йорка, доктор П. Павлов из Москвы, доктор Ф. Шлимманн из Швейцарии и монгольская (джунгарская) принцесса Тани Ханум из рода Пресвитера Иоанна, жившего во времена Кубла Хана⁶⁵ (заметим, что эти подписанты, наряду с несколькими другими вымышленными и реальными персонажами, вроде археолога священника-аристократа отца Феодосия, доктора-археолога Лао Чина, писателя и вероучителя Льва Толстого, психиатра Владимира Чижа, балерины Анны Павловой, советского политика Александры Коллонтай и композитора Глиера, играют любопытную роль «махатм» в воображении и творчестве с юности увлеченного теософией Ивана Народного).

В январе 1940 года Народный объявил через газеты, что СССР находится на грани военной революции, которая навсегда сметет кремлевский режим и объявит о создании демократических Соединенных Штатов России. Восстание, утверждал он, готовит тайная антисталинская революционная организация, штабы которой расположены в Финляндии, Норвегии, Швеции, Эстонии, Латвии, а также внутри самой России. Ключевую роль в организации играют офицеры, возмущенные уничтожением Тухачевского и адмирала Орлова, разочаровавшиеся в пакте Сталина-Гитлера, а также бежавшие от сталинских чисток дипломаты и тысячи эмигрантов, симпатизирующих российской демократии. Участники заговора считают, что советско-финская война предоставляет уникальную возможность объединить антисоветские и антикоммунистические силы в одно освободительное движение. Как только Кремль падет, заявлял Народный, президенты Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии создадут Совет Четырех для руководства Соединенными Штатами России из 12 республик (совет просуществует

⁶⁵ Ее «прототипом» была, как мы подозреваем, узбекская танцовщица, певица и балетмейстер Тамара Ханум, лауреат Сталинской премии 1941 г. В ноябре 1934 года в «Theatre Arts Monthly» вышла восторженная статья Ленгстона Хьюза «Tamara Khanum: Soviet Asia's Greatest Dancer». Высокая оценка Хьюзом ее новаторского искусства и личности («a living symbol of that new freedom that has come to the women of Central Asia») могла возбудить воображение теоретика балета Народного.

до общенациональных выборов). Народный, со ссылкой на своих единомышленников, предал огласке основные пункты революционного плана. 1. Пленные красноармейцы в Финляндии формируют особый революционный дивизион и с помощью восставших советских солдат и офицеров атакуют и захватывают Ленинград и Кронштадт. 2. Одновременно тайные ячейки в этих городах восстают и присоединяются к основным силам революции. 3. Одновременно революционеры начинают пускать под откосы поезда между Ленинградом и Москвой, взрывать дороги, перерезать кабели и всячески препятствовать коммуникациям между двумя городами. 4. В это же время тайные агенты революции захватывают радиостанции и редакции газет в городах «от волжских до украинских степей», начинают передовать население вести об освобождении и зачитывать стихи Маркхэма.

Восстания весной 1940 года не вышло, но Народный продолжал готовить свою воображаемую революцию. Для успеха последней ему нужны были деньги (с середины 30-х годов его финансовое положение было катастрофическим). 12 апреля 1941 года он пишет бывшему американскому послу в СССР Буллиту:

У меня готовы все планы, как свергнуть Гитлера и Сталина этим летом, если только Вы мне окажете немного помощи. Я старый авторитет в области таких шагов и знаю разные пути. Я прилагаю к этому письму краткое изложение моих дальнейших планов. Наше правительство тратит миллионы на войну, в то время как все, что нужно, это лишь небольшая сумма денег при применении подходящих революционных методов. Пожалуйста, помогите мне немедленно! Это важно. Напишите мне записку и я отправлю Вам более подробное описание своих планов. Мадам Колонтай (sic!) готова помочь мне со Сталиным, а доктор Шлиманн доберется до Гитлера. Свяжитесь со мной⁶⁶.

Через несколько дней он напоминает Буллиту о своем запросе:

Я написал Вам пару писем, прося об оказании влияния на нашего Президента, чтобы тот использовал подходящую пропаганду против Гитлера, Сталина и Муссолини, вместо всех этих трат на оружие, которые являются глупым делом. Я знаю игру пропаганды из своего прежнего опыта, и я писал в воскресные газеты Херста о нацистско-коммунистических службах у нас... Я прошу Вас начать энергичную пропаганду против этих гангстеров из Старого Света, вызвать революцию и просто убить этих гангстеров, вместо

⁶⁶ Письмо к Буллиту от 12 апреля 1941 года [Буллит].

того, чтобы позволить им командовать армиями и убивать миллионы. Мои старые друзья в СССР помогут мне уничтожить сталинскую банду через несколько месяцев, если я получу помощь, и то же самое можно будет сделать с нацистской бандой. ... Я напишу письмо президенту, как моему старому другу ... если я не услышу от Вас. На самом деле, я даже готов выступить с публичным заявлением о халатной бездеятельности нашего правительства, если мне не дадут возможности донести свою позицию [до администрации] в течение следующей недели. Время - это все! Именно сейчас требуется немедленное действие⁶⁷.

Окончательной целью своего крестового похода в защиту демократии Народный объявляет установление «космократических» Соединенных Штатов России (USR) после Второй мировой войны.

1948-1953: «Так волю свою народ возвестил...»

С самого начала Холодной войны старый русский «революционист» предпринимает последнюю в жизни «психическую кампанию» в защиту свободы своей давно оставленной страны. В письмах и публикациях этого времени он предсказывает восстание против тирана «не только с помощью милитаристских средств, но и путем морального действия объединенных народов против диктаторского террора Сталина и его банды». Он заявляет, что находится в переписке с десятками противниками Сталина, что его тайные агенты уже готовы арестовать тирана и членов Политбюро как бандитов и наконец – триумф его деятельности - провозглашает скорое создание Соединенных Штатов России. Он также печатает обвинительный приговор Сталину, подобный приговору Николаю II, опубликованному им в 1908 году. Он пишет: «Если Сталин и его банда будут схвачены и отправлены в Сибирь, как свергнутый царь, все расстроенное общественно-политическое состояние государства немедленно вернется к нормальной жизни, и нынешние миллиардные военные расходы больше не понадобятся»⁶⁸.

Антисталинский манифест Народного, по его словам, передают по Голосу Америки, и теперь «миллионы» листовок и брошюр распространяются по ту сторону Железного занавеса, включая Российскую декларацию независимости (там же) [Буллит; письмо от 27 апреля 1951 года]. Можно сказать, что эти мифические листовки Народного, переписываемые и распространяемые отважными оппозиционерами, представляют собой трансформацию темы революционных стихов Маркхэма, переданных им в Россию и подготовивших восстания 1906 и 1917 годов. Народный теперь уже не просто посредник (вдохновитель и переводчик) между американской и русской нациями. Он уже творец истории. И его миссия близка к своему завершению.

⁶⁷ Письмо к Буллиту от 25 апреля 1941 года [Буллит].

⁶⁸ Ivan Narodny. Stop This Social, Political Havoc // Hartford Courant, Oct. 21 (1951): 26.

Активизация старого и давно забытого русского революционера в конце 40-х годов была замечена американской прессой. О нем писали «New York Times» и «Hartford Courant». Наконец, в одном из социалистических журналов, «Masses & Mainstream», была напечатана карикатура на 79-летнего старца Народного, вновь задумавшего освободить Россию и выгнать его на свет божий исторический хлам (карикатура представляет собой комическую экстериоризацию политического воображения оставшегося в прошлом «революциониста»).

Незадолго до смерти Народный вновь возвращается к удивительной истории русской оды Маркхэма (последний умер в марте 1940 года). В письме к редактору «Hartford Courant» от 12 июля 1948 г. он опять рассказывает о провиденциальном обеде, данном им в честь Горького в апреле 1906 года, и приводит новые подробности происхождения знаменитого стихотворения. Разговор за столом, оказывается, шел *в основном* (mostly) о «Декларации российской независимости», которую Народный собирался опубликовать. Он прочитал гостям несколько фрагментов из этого манифеста и вдохновленный Маркхэм поднял руку и сказал: «Я напишу на основании этого стиха “Russia, Arise!”» Поэт пересел за пустой столик и начал сочинять стихи, пока остальные участники обеда разговаривали (темой беседы были их псевдонимы - Горький, Марк Твен и Народный; все эти знаменитые люди в свое время отказались «к чертям собачьим» от наследственных имен и создали себе новые имена и творческие личности). Наконец вернулся Маркхэм с началом оды, который он и прочитал вслух по «этому фантастическому случаю»:

Rise, Russia, to the great hour rise:
The dead are looking from the skies.
And God's hand, terrible with light,
Upreaching from the Arctic night.
This is the hour; awake, arise!
A whisper on the Volga flies;
A wild hope on the Baltic leaps;
A rapture over the Neva keeps...

Маркхэм обещал закончить эти стихи позже и посвятить их Народному. Марк Твен, в свою очередь, попросил Народного прочесть еще что-нибудь из его «Декларации независимости России», что тот и сделал. Они пожали друг другу руки и провели вечер в живой беседе о необходимости русско-американского социального альянса. Увы, заключает Народный, много лет спустя за эти стихи Маркхэма был казнен, по приказу Сталина, секретарь Горького Крючков⁶⁹. По мнению Народного, пробил час, когда Россия опять должна восстать. Тени жертв тирании призывают миллионы к революции,

⁶⁹ Russian «Declaration». His Flight From Earlier Tyranny Brought Famous Friends // Hartford Courant, July 12 (1948): 8.

как поется в старом священном гимне Маркхэма, посвященном Народному, переведенном последним на русский язык и вдохновившем Римского-Корсакова на создание песни, которую исполнила выдающаяся русская певица перед преступными советскими функционерами.

Совершенно очевидно, что рассмотренная нами мистификация русского эмигранта-мегаломаниака является частью его собственного житнетворческого проекта, укорененного в сказочно-народной [Народный 1926] и революционно-подпольной [Могильнер 1999] мифологиях. Она удачно аккумулирует идеологические и эмоциональные стереотипы в восприятии России и русской революции в американском обществе на протяжении первой половины XX века (миссионерские циклы вербальных «освободительных походов» на Россию, рассмотренные в [Фогльсонг 2007: 34-128]), а также раскрывает характерный для американской политической и газетной культуры первой половины XX века механизм фабрикации и бытования экзотических сенсаций и иллюзий [Мотт 1962: 539]. Ее также можно назвать пародией на спекулятивный институт русо- и советологической экспертизы. В целом же эта «безумная» политическая утопия вполне адекватно отражает неадекватное состояние общества и мира, окружавшего русско-американского Дон Кихота перманентного воображения, духовного босяка и скитальца.

Свои последние публикации Народный подписывает «Автор декларации о независимости России» или «Представитель Российского вольнолюбивого народа» (Representative of the Russian Liberty-Loving People) из штата Коннектикут («старый волшебник из Лихтсвиля», как его называли в то время, призывал в конце жизни превратить Коннектикут «в колыбель новой цивилизации»⁷⁰). Он сообщает о том, что получил публичное воззвание от имени российских интеллектуалов, которое он, как духовный лидер движения, должен лично передать американскому президенту. Однако его многочисленные предложения и запросы о финансировании были отвергнуты Трумэнном, и США пришлось затратить миллиарды на борьбу с СССР в период Холодной войны. А доведи Буллит слова Народного в свое время до руководства администрации, то, как говорил по схожему поводу ценитель народного сознания Н.С. Лесков, «на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был» [Лесков 1958: 58].

Народный умер 29 сентября 1953 года, пережив на полгода Иосифа Сталина. Некролог, посвященный беспокойному русскому «революционисту», был опубликован в «New York Times»:

Иван Народный, приехавший сюда из России в 1906 году и провозгласивший два года спустя «Соединенные Штаты России» в качестве Главного исполнительного директора «Комитета российской республиканской администрации»,

⁷⁰ «Let Us be the Saviours Of Our Civilization» // The Hartford Courant, June 2 (1949): 14.

умер вчера после продолжительной болезни в своем доме в Шэроне в штате Коннектикут в возрасте 83 лет. Хотя он и был вместе со Сталиным делегатом Выборгской конференции партии большевиков в Финляндии в 1905 году и говорил о себе как о проповеднике большевизма в 1904-м, одном из организаторов кронштадтского мятежа в 1905-м и соратнике Ленина в том же году, г-н Народный в последующие годы вступил в конфликт с коммунизмом и боролся с ним в своих выступлениях и произведениях. В 1939 и 1940 гг. он печатал под своим именем длинные статьи на разные международные темы для газет Херста. Он был автором «Искусства музыки» («The History of Music») и «Эха меня самого» («Echoes of Myself») и помогал перевести с русского на английский «Тайную любовную историю Джона Пола Джонса». После его смерти остались жена Мария Милер Народный, бывшая концертной певицей-сопрано в царской России, и сын Лео [New York Times, September 30, 1953].

Добавим, что оба его сына, оставленные им при бегстве в Америку в 1906 году (как мы помним, он говорил, что они были заколоты казаками), были убиты агентами НКВД как «лесные братья» в 1944-1945 гг.⁷¹ Его первая – брошенная – жена дожила до 1960-х годов.

Народный-герой. Заключение

Набоковед Юрий Левинг, любезно согласившийся прочесть черновой вариант этой статьи, остроумно заметил, что в пост-советской России подобных «городских сумасшедших», засыпавших журналы и ведомства разными грандиозными проектами и внимательно следившими за их «исполнением», «было пруд пруди». В свою очередь, историк Б.И. Колоницкий указал нам на то, что похожие на Народного уроженцы Российской империи направляли самые фантастические прожекты с просьбами о хотя бы минимальной материальной поддержке в германский МИД во время Первой мировой войны. Действительно, у нашего соотечественника и героя довольно много родственников (вполне можно говорить о «типе Народного» как народном типе, выходящем на историческую поверхность в кризисные эпохи). Есть у него и вполне солидная родословная, привлекавшая к себе внимания серьезных историков русской культуры: политические фантасты-авантюристы эпохи Просвещения, хронические врали, махинаторы, утописты и фальсификаторы XIX и XX веков (см. [Лотман 1975; Строев 1998; Липовецкий 2011; Правилова; Федюкин 2018]).

Между тем внимание отечественных исследователей обычно привлекают более или менее известные исторические личности («барон» Сент-Илер,

⁷¹ своего американского сына он назвал тем же именем, что и брошенного им в 1906 году эстонского.

граф Калиостро, Гоголь, Свиньин, Блаватская, Жириновский) или литературные герои (Хлестаков, Чичиков, Поприщин, генерал Иволгин, Хулио Хуренито, Остап Бендер). Мне кажется, что в поисках культурного содержания феномена «безумного» прожектора и мистификатора имеет смысл (а) спуститься вниз, так сказать, к «кольчезам и усоногим», то есть к собственно «городским сумасшедшим», и со всей научной серьезностью отнестись к их деятельности; (b) рассмотреть фантастические или, используя выражение Тынянова, «мнимые», проекты и фальсификации «низовых» авторов как творческие акты и практики, укорененные в данном историко-культурном контексте и институтах (религиозная община, политический кружок, охранное ведомство) и связанные с проблемами идентичности и самозванчества; и (c) исследовать, как работают и что означают различные модели вранья [Лотман 1975; Мартинсен 2003] и бесконтрольного прожектерства [Ginzburg 2013] в разных национально-исторических традициях и контекстах.

Фигура Ивана Народного при всей своей колоритности и фееричности действительно узнаваема. Между тем показательно, что коллеги, познакомившиеся с первоначальной версией моей работы, «узнали» в нем разные лица: моя аспирантка, например, сравнила его с благородным безумцем Джошуа, императором Сан Франциско времен американской Гражданской войны; один коллега - с Николаем Рерихом и Гурджиевым, другой - с «неприкаянным Мавроди»; многие - с Дональдом Трампом.

Секрет этого героя, я полагаю, заключается в том, что у него просто не было никакого *определенного* содержания («идентичности»), кроме удивительной способности принимать самые гипертрофированные, карнавальные и абсолютно несовместимые формы «русскости», которые требовали его материальные и репутационные интересы в разных жизненных ситуациях. Эту особенность Народного замечательно точно выразил на языке живописи футурист Давид Бурлюк, создавший «кинетический» (точнее, «радиоволновый») портрет «личин» (selves) своего друга:

Фантастическую способность Народного представлять одновременно и выпукло широчайший (и постоянно расширяющийся) диапазон стереотипных в американском восприятии черт русского человека ценили в нем и его американские друзья. «Поцелуй его! Выпей с ним! – представлял король нью-йоркской богемы художник Боб Ченлер Народного герцогу Уэльскому, посетившему в 20-е годы одну из вечеринок в знаменитом «Доме фантазии». – Знакомтесь, принц, - это принц Иван Иван, один из моих мушкетеров – добрый русский нигилист, черт его побери! - друг Ленина, Римского-Корсакова, Марка Твена, Теодора Рузвельта и Эммы Голдман. Поцелуй его, принц!» [ДеКассерес 1934: 53]⁷² На эту же удивительную черту обращали внимание и недоброжелатели Ивана Ивановича. «Народный, - писал о нем веселый

⁷² «Give him a kiss! Have a drink with him! Prince (turning to Ivan Narodny), this is Prince Ivan Ivan, one of my musketeers – a good Russian nihilist, God-damn it! – He is a friend of Lenin and Rimsky-Korsakov and Mark Twain and Theodore Roosevelt and Emma Goldman. Kiss him, Prince!»

Давид Бурлюк, *Ivan Narodny and His Selves* (1925)

журналист, скрывшийся под псевдонимом Мефисто, - тот самый, что печатает во всех газетах внутреннюю и внешнюю информацию о России, – это чудо! Он всегда вызывает мое восхищение... Я бы уж точно не удивился, если бы услышал, что большевики запекли его в пирожки с мясом или император Вильгельм сделал его королем Польши. Он, конечно же, дает пищу для увеселения народов [He certainly adds to the gaiety of nations!]»⁷³

С историко-культурной точки зрения, основной парадокс Ивана Народного, определяющий его герменевтическую ценность, заключается в том, что он является не столько русским, сколько американским «народным героем» – своего рода Иванушкой Дурачком Соединенных Штатов Америки. В самом деле, если Хлестаков (или генерал Иволгин, или Завалишин, или Мавроди) заполняют своими фантазиями реальные лакуны и несостыковки внутри российского государственно-бюрократическо-экономического механизма, то русско-американский журналист-«революционист» Ivan Narodny, выделяющийся даже на фоне самых знаменитых и самых навязчивых вралей, жуликов и прожектеров своей безудержной, богатой, неутомимой и как мы уже говорили, разносторонней фантазией, оказывается продуктом американской - политической, газетной, экономической, «богемной», оккультной – культуры, «свидетельствующим» об индивидуальных особенностях и «системных сбоях» последней. Непосредственным социальным фоном Народного являются наводнившие Америку начала XX века самозванцы и махинаторы разных толков (польские графы, восточные гуру, гастролирующие мистики, великие реформаторы и проч. и проч.), а литературными

⁷³ Mephisto's Musings // Musical America, vol. 28, May 25 (1918): 8.

прообразами – колоритные пикарескные герои его любимых американских писателей Марка Твена и О.Генри.

Наконец, реконструированная в этой статье затяжная политическая фантазия (историко-культурная «физалида» [мыльный пузырь]) Народного выражает не только его психические особенности и естественное для сотрудника «желтой прессы» стремление заработать на сенсационных (часто вымышленных) «новостях». Легенда о провиденциальных стихах Маркхэма, якобы положенных на музыку самим Римским-Корсаковым, «разыгрывает» стройную концепцию «альтернативной» (здесь сказочной, мифологической) истории, созданную «таблоидным» модернистом-визионером в эпоху глобальных политических катаклизмов, - утопическую мечту о Соединенных Штатах России, находящуюся в центре фантомного жизнетворчества «идеального» русского революционера в Америке⁷⁴. В свою очередь, эта «история мечты» иконически отображает траекторию изменений в представлениях американского общества о России в 1900-1940-е годы, которым Народный всегда стремился соответствовать⁷⁵.

Можно сказать, что стихотворение Эдвина Маркхэма в интерпретациях Народного становится мифопоэтическим обобщением описанной Д. Фогльсонгом миссии Америки по отношению к России, вечно страдающей под тираническим гнетом⁷⁶. Действительно, замечательной особенностью бытования этого стихотворения в воображении Народного является его «сказочная» внеисторичность - риторическая перемена его исторической «аппликации» во времени (революции Горького, Керенского и Народного) при неиз-

⁷⁴ Характерно, что идея «Соединенных Штатов России», состоящих из 12 территорий-республик, не только предвосхищает дебаты большевиков о территориальной структуре советской страны, но и недавние проекты «Соединенных Штатов России», предложенные такими несхожими деятелями, как националист Виктор Алкснис (<http://svpressa.ru/society/article/60691/>) и либерал Дмитрий Львович Быков (http://www.stoletie.ru/vzglyad/sojedinennyje_shtaty_rossii_333.htm; <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2316792-echo/>). Пример Народного говорит о том, если пророков в своем отечестве и нет, то они появляются в эмиграции.

⁷⁵ Как мы видели, на всех стадиях своего формирования его легенда была адресована исключительно американской публике – журналистам, писателям, издателям, читателям, политикам, бизнесменам, торговцам оружием, простым обывателям. Причем многие из них становились соучастниками этой творимой легенды.

⁷⁶ По мнению Д. Фогльсонга, миф об особой роли Америки по отношению к России включает в себя три компонента: (1) мессианскую веру в то, что Америка способна спровоцировать немедленный переход России от самодержавия и тирании к демократии; (2) представление о том, что Россия более, нежели какая-либо другая страна, связана с Америкой и является ее «темным двойником»; (3) демонизацию российских лидеров, препятствующих естественному триумфу американской миссии в России. Это мифологическое представление, возникшее в конце XIX века, по мнению историка, циклически повторяется в американской истории (Foglesong, David. What's With the Panic Over Russia? <<http://www.cambridgeblog.org/2008/05/whats-with-the-panic-over-russia/>>

менном сохранении перформативной функции (призыв к восстанию против тираний Николая I, Ленина и Сталина во имя ценностей Джефферсона и Линкольна). Стихотворение выступает здесь одновременно как англоязычный (американский) субститут гречаниновского «Гимна свободной России», написанного на стихи Константина Бальмонта⁷⁷, и воображаемый аналог русской «Марсельезы», «Интернационала» или «Оды к Радости», созданный одновременно *о* и *для* России представителем более прогрессивной (демократической) цивилизации. В конечном счете перед нами многосерийная американская «мыльная опера» о России, храброславленный герой которой – главный (хотя и самозванный) посредник между двумя великими нациями – постоянно является на сцену в разные исторические периоды, размахивая – на безопасном расстоянии от бушующих страстей – бумажным (газетным) мечом.

Если бы Иван Иванович Народный дожил до наших дней, то он вне всякого сомнения рассказал бы американским читателям или зрителям об очередном этапе в истории посвященных ему вечных стихов Маркхэма, обращенных теперь к новым смелым борцам за демократические Соединенные Штаты России:

И часа ждут колокола в Кремле,
Чтобы весть разнести по всей земле;
Так волю свою народ возвестил
При Марафоне и Банкер-Хилл!

12 июня 2017 г.

⁷⁷ Английский перевод и ноты гимна были напечатаны в «New York Times» в мае 1917 г.

Библиография / References

- [Абрамсон 2005] – *Abramson, Julia*. Learning from Lying: Paradoxes of Literary Mystification. Newark: University of Delaware Press, 2005.
- [Александров 2002] – *Александров В.А.* Переписка с Л.Н. Толстым Ивана Народного // Толстой и о Толстом. Материалы и исследования. Вып. 2. Москва: Наследие, 2002.
- (*Aleksandrov V.A.* Perepiska s L.N. Tolstym Ivana Narodnogo // Tolstoy i o Tolstom. Materialy i issledovaniya. Вып. 2. Moscow, 2002.)
- [Бигелов] – *The Correspondence of John Bigelow*. Union College Schaffer Library.
- [Буллит] – *William Bullit's papers*, MS 112, #1, box # 61, folder # 1489, Yale University.
- [Буренин 1967] – *Буренин Н. Е.* Памятные годы: воспоминания. Ленинград: Лениниздат, 1967. С. 129
- (*Burenin N. Ye.* Pamyatniye gody: vospominaniya. Leningrad, 1967)
- [Вернер 1957] – *Werner, M.R.* It Happened in New York. New York: Cowald-McCann, Inc. 1957.
- [Вильямс 1980] – *Williams Robert Chadwell*. Russian Art and American Money, 1900-1940. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
- [Вэнс] – *Vance Family Collection*, MS-1184 Box 20, Folder 5, Center for Archival Collections Bowling Green State University.
- [Гайдук 1918] – *Гайдук М.И.* «Утюг»: материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных (sic!) комиссии в Америке. Нью-Йорк, 1918.
- (*Gaiduk M.I.* “Utiug”: materially i fakty o zagotovitel'noy deyatel'nosti russkikh voyennykh (sic!) komissii v Amerike. New York, 1918.)
- [ГАРФ] – О Агафонове Владимире (Ваоелиане Константиновиче), Иване Народном, ГАРФ, ф. 102, оп. 15, №353.
- (*O Agafonove Vladimire (Valeriane Konstantinoviche), Ivane Narodnom, GARF, f. 102, op. 15, # 353.*)
- [Гинзбург 2013] – *Ginzburg Carlo*. The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller. Translated by John and Anne C. Tedeschi. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2013.
- [Горький 1960] – Переписка А.М. Горького с зарубежными литераторами. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
- (*Perepiska A.M. Gor'kogo s zarubezhnymi literatorami/ Moscow, 1960.*)
- [Горький 2001] – Вокруг смерти Горького. Документы. Факты. Версии. Москва: Наследие, 2001.
- (*Vokrug smerti Gor'kogo. Dokumenty, fakty, versii. Moscow, 2001*)
- [Горький 1999-2002] – Горький М. Полное собрание сочинений в 24 т. Т.5. Письма: 1905-1906. Москва: Наука, 1999.
- (*Gor'kiy M. Polnoe sobranie sochinenit v 24 tomakh. T. V. Pis'ma. 1905-1906. Moscow, 1999.*)

- [Горький 2005] – Горький и его корреспонденты. Вып. 7. Москва: ИМЛИ РАН, 2005.
(Gor'kiy i ego korrespondenty. Vyp. 7. Moscow, 2005).
- [Графтон 1990] – *Grafton, Anthony*. Forgers and Critics. Creativity and Duplicity in Western Scholarship. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- [Грум 2002] – *Groom, Nick*. The Forger's Shadow: How Forgery Changed the Course of Literature. London: Picador, 2002.
- [ДеКассерес 1934] – *DeCasseres, Benjamin*. The King of Party Throwers. Discursive and Anecdotal Study—Naming Names by the Dozen - of Robert Winthrop Chanler, Playboy // *Esquire*, April 1934.
- [Драпала 2016] – *Drapala Lauren*. Building the House of Fantasy. In: Gina Wouters, Andrea Gollin, eds. Robert Winthrop Chanler: Discovering the Fantastic. Vizcaya Museum and Gardens: The Monacelli Press, LLC, 2016. Pp. 51-80.
- [Едлин 1999] – Yedlin, Tova. Maxim Gorky: A Political Biography. Greenwood Publishing Group, 1999.
- [Канн 1979] – *Канн П.Я.* Нарва - страницы истории города. Таллин: Ээсти раамат, 1979.
(*Kann P.* Ya. Narva – stranitsy istorii goroda. Tallin, 1979)/
- [Китвель 2017] – *Kitvel', Toivo*. Ian Sibul' / Ia. Talune / Ivan Narodnyi. Ocherk // *Novye oblaka* 1-2/2017 (77-78) 23.08.2017. Tallinn (source: *Vikerkaar* 6/2017).
- [Китвель 2017a] – *Kitvel, Toivo*. Kolm nime - üks mees: lugu Verioralt pärit kirjjanikust, kes Atlandi tagant Eesti vabariiki toetas. [Tallinn]: Külim, 2017.
- [Кузовкина 2014] – Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками. Ред. Кузовкина Т.Д. Таллинн: ТЛУ, 2014.
(*Kuzovkina T.*, ed. Mogut li teksty lgat'?: k probleme raboty s nedostovernymi istochnikami. Redaktor-sostavitel' T. Kuzovkina. Tallinn: Tallinn University Press, 2014).
- [Кэрролл 1982] – *Кэрролл, Л.* Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или, Алиса в зазеркалье. Пер. Н.М. Демуровой. Москва: Правда, 1982.
(*Carroll, Lewis*. Priklyucheniya Alisy v strane chudes ; Skvoz' zerkalo i chto tam uvidela Alisa, ili Alisa v zazerkal'ye. Moscow, 1982).
- [Кэрролл 2013] – *Carroll Lewis*. Jabberwocky and Other Poems. Mineola, NY: Dover Publications, 2013.
- [Лесков 1958] – *Лесков Н.С.* Собрание сочинений. Т. 7. Москва: Госиздат, 1958.
(*Leskov N.S.* Sobranie sochinenii. T. 7. Moscow, 1958)/
- [Липовецкий 2011] – *Lipovetsky Mark*. Charms of Cynical Reason: The Transformations of the Trickster Trope in Soviet and Post-Soviet Culture. Boston: Academic Studies Press, 2011.
- [Лотман 1979] – Лотман Ю.М. К проблеме работы с недостоверными источниками // *Временник Пушкинской комиссии: 1975*. Ред. М.П. Алексеев. Ленинград: Наука, 1979. С. 93-98

- (Lotman, Yu. M. K probleme raboty s nedostovernimi istochnikami // Vremennik Pushkinskoy komissii. Вып. 13. Leningrad: Nauka, 1979). S. 93-98.
- [Лотман 1975] – Лотман Ю.М. О Хлестакове // Ученые записки тартуского государственного университета. Вып. 369. Тарту, 1975. С. 19–53.
- (Lotman Yu. M. ‘O Khlestakove,’ Uchenye zapiski tartuskogo gos-go universiteta. Вып. 369. Tartu, 1975).
- [Маркхэм] – *Edwin Markham Archive: Correspondence*. The Horrman Library, Wagner College.
- [Маркхэм 1968] – Markham Review, Feb 1, 1968.
- [Мартинсен 2003] – *Martinsen Deborah A. Surprised by Shame. Dostoevsky’s Liars and Narrative Exposure*. Columbus: Ohio State University Press, 2003
- [Мак Фарланд 2005] – *McFarland Gerald W. Inside Greenwich Village: A New York City Neighborhood, 1898-1918*, Boston: University of Massachusetts Press, 2005.
- [Микелс 2017] – *Michels Tony. The Russian Revolution in New York, 1917-19 // Journal of Contemporary History*, vol. 52, issue 4 (2017): 959- 979.
- [Могильнер 1999] – *Могильнер Марина. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века*. Москва: НЛЮ, 1999.
- (*Mogil’ner Marina. Mifologiya «podpol’nogo cheloveka»: radikal’nyi mikrokosm v Rossii nachala XX veka*. Moscow, 1999.
- [Морелл 1939] – Morell, Parker [Narodny, Ivan]. *The Grand Bohemian // Hearst’s International Combined with Cosmopolitan*, vol. 107 (1939).
- [Мотт 1962] – *Mott, Frank Luther. American Journalism; a history, 1690-1960*. New York: Macmillan, 1962.
- [Народный 1909] – *Narodny, Ivan. Echoes of Myself: Romantic Studies of the Human Soul*. New York: The Liberty publishing company, 1909.
- [Народный 1922] – *Narodny Ivan. The Art of Robert Winthrop Chanler*. New York: William Helburn, 1922.
- [Народный 1925] – *Narodny Ivan. The Skygirl: a Mimodrama in Three Acts on a Star, Prologue & Epilogue on the Earth: Dramatic Episodes of a Life Fifty Thousand Years Ahead of Ours*. London; New York: The Britons Pub. Co., [1925].
- [Народный 1926] – *Nicholas Roerich; Frances R Grant; Mary Siegrist; Georgii Grebenshchikov; Ivan Narodny. Himalaya: A Monograph*. New York : Brentano’s, 1926.
- [Народный 2001] – *Narodny Leo. Early days in New York // The Uncommon Vision of Sergei Konenkov, 1874-1971: A Russian Sculptor and His Times. 1874-1971/ Ed. by Marie Turbow Lampard, John E. Bowlt, Wendy R. Salmond*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2001. P.p. 179-181.
- [Перельман 2013] – *Перельман Я.И. Что? Зачем? Почему? Занимательная физика, механика, астрономия, математика, природа*. Москва: Аст, 2013.
- (*Perel’man Ya. I. Chto? Zachem? Pochemu? Zanimatelnaia fizika, Mekhanika, astromomiya, matematika, priroda*. Moscow, 2013).
- [Народный 2014] – *Narodny Peter. Prison to Paradise*. [S.I.]: Outskirts Press, 2014.

- [Правилова 2016] – *Pravilova Ekaterina*. The Trouble with Authenticity: *Forgery, Imitation, and the Politics of Value in Russia, 1890s-1910s* (manuscript).
- [Пул 1940] – *Poole Ernest*. *The Bridge; My Own Story*. New York: The Macmillan Company, 1940.
- [Пул 1944] – *Poole, Ernest*. “Maxim Gorky in New York,” *Slavonic and East European Review*. American series. Vol. 22, 1944, pp.77 -83.
- [Радноти 1999] – *Radnóti, Sándor*. *The Fake: Forgery and its Place in Art*. Lanham, Md.; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 1999.
- [Революция 1905 – 1907] – *Revolutsiia 1905 – 1907 gg. v Estonii*. *Sbornik dokumentov i materialov*. Tallin: Estonskoe Gos. Izdatel'stvo, 1953.
- [Рутвен] – *Ruthven K. K.* *Faking Literature*. New York: Cambridge University Press, 2001.
- [Спенс 2017] – *Spence, Richard*. *Wall Street and the Russian Revolution: 1905-1925*. Walterville: Trine Day, 2017.
- [Скотт 1906] – *Scott Leroy*. «I am Nothing: Freedom is All». *The Personal Story of the Russian Revolutionist*, *Narodny // American Illustrated Magazine*. Vol. 22 (May 1906), pp. 63-74. With a photography by Alicce Boughton.
- [Стивенсон 1990] – *Stevenson Alfred Boynton*. *Rimski-Korsakov in the Eastern United States // Inter-American Music Review* 11/1 (Fall-Winter 1990), pp. 117-135.
- [Строев 1998] – *Строев Александр*. Строев. “Те, кто поправляет фортуна”. *Авантюристы Просвещения*. Москва: “Новое литературное обозрение”, 1998.
- (*Stroev Aleksandr*. «Te, kto popravlyaet fortunu». *Avanturyisty Prosveshcheniya*. Moscow, 1998).
- [Труды 1930] – Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов: 28/XII – 4/1, 1929. Москва: Изд-во Коммунистической академии, 1930.
- (*Trudy Pervoi Vsesoiuznoi konferentsii istorikov-marksistov: 28/XII, 1928-4/I, 1929*. Moscow, 1930).
- [Тынянов 1977] – *Тынянов Ю.Н.* *Поэтика*. История литературы. Кино. Москва: Наука, 1977.
- (*Тынянов, Yu. N.* *Poetika*. *Istoriya literatury*. Kino. Moscow, 1977).
- [Уоллинг 1907] – *Walling William English*. *The Real Russian People // The Independent*, vol. 63, Sept. 26 (1907).
- [ФБР 1918-1921] – FBI Case Files, Old German Files, 1909-21, W. E. D. Stokes (#8000-643); Old German Files, 1909-21, Various (#107489); Old German Files, 1909-21, Alleged Seditious Article (#8000-13106).
- [Федюкин 2018] – *Федюкин Игорь*. Французский авантюрист при дворе Петра I. Письма и бумаги барона де Сент-Илера. Москва: ВШЭ, 2018.
- (*Ferdykin Igor*’. *Frantsuzskiy avantyurist pri dvore Petra I*. *Pis'ma i bumagi barona de Sent-Ilera*. Moscow, 2018).
- [Фогльсонг 2007] – *Foglesong D.S.* *The American Mission and the «Evil Empire»: The Crusade for a «Free Russia» since 1881*. New York: Cambridge University Press, 2007

[Фокс] – *W.H. Fox*, 1913-33. Narodny, Ivan (file #69) (1927-1933), Brooklyn Museum Archives.

[Шилдс] – Schields, Sophie K. Edwin Markham: a bibliography. Vols. 1-2. Staten Island, N.Y. : Wagner College, [1952-1956].

[Эншел 1974] – Anshel, Eugene (ed.). *The American Image of Russia, 1775–1917*. New York: Frederick Ungar, 1974.

About the Author

Илья Vinitsky is Professor of Russian literature in the Slavic Department at Princeton University. His main fields of expertise are Russian Romanticism and Realism, the history of emotions, and nineteenth-century intellectual and spiritual history. His books include *Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia* (Northwestern University Press, 2015), *Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism* (Toronto University Press, 2009), *A Cultural History of Russian Literature*, co-written with Andrew Baruch Wachtel (Polity Press, 2009), and *The Count of Sardinia: Dmitry Khvostov and Russian Culture* (New Literary Observer, 2017; in Russian). Vinitsky is currently working on the cultural biography and political imagination of Ivan Narodny, a Russian-Estonian-American “revolutionist,” arms dealer, journalist, writer, art critic and promoter.

[Author's note: The original was written in ball point pen on a yellow, lined notepad as time allowed during a March 1991 conference in Moscow. I was using the opportunity of attending the conference to do additional archival research on Russian-American relations. It is presented here as written with only minor editing. I should also remind any reader that this was the spring before the August Coup and during a time of chaotic transition of Russia from Communist dictatorship to a pluralistic society and a free market economy. It featured Mikhail Gorbachev's efforts to keep the Soviet Union together by means of a voter referendum.

Diary of a Conference in Moscow March 1991

Norman Saul

Moscow, March 8, 1991

I thought I would start a journal—see how far it would go... It is 9:00 p.m. and I am in my room at the Akademicheskaya watching the evening news, "Vremia".

V met me at the airport—the Pan Am plane came in with a smooth landing after a direct flight, with two delays, from New York. The first big delay was that large planes were occupied in bringing back troops from the gulf war and the Moscow flight took low priority. The last delay was due to a decision to reload all of the baggage to ensure a correct distribution of weight. The plane was less than half full, so I had three seats to stretch out in. There were a couple of small tourist groups and sixteen St. Louis University boys high school students coming to spend a month living with Soviet families and to go to school. I don't think they knew what they were in for. But they were accompanied by a pleasant, older teacher, a distinguished bearded man who seemed to be experienced. He knew Russian. They (the students) said they had three years of Russian in school, but equivalence seemed to me to one college semester.

Relatively simple getting through Customs though a long line—saved a lot by not checking baggage. None of my communications got through, but V, through his own channels, pressed Pan Am to find out when I was coming but was not informed correctly of change in time of arrival, so had to make two trips.

I am in Korpus 1 of the Akademicheskaya, overlooking Leninskii Prospect and Otkabriskaya Ploshchad—rather noisy. Normally, foreign guests are put up in Korpus 2, which is behind this building and where we went to register. I have a single room, that is, no sharing of bath. It smells and looks dirty, but the tub seems clean—mainly smell of cigarette smoke that never goes away—Russian style. V and I tried to eat in the restaurant but all was reserved, which may be true, considering it is Saturday night, but V says Moscow is one vast black market and one must pay extra for everything. We went to the buffet instead and found the place empty and an assortment of cold foods—piroshki, a jellied meat, salad, tea, coffee, all reasonably priced. Too late we learned they also had hot beef stroganov that seemed good—as other people came in. I will be in this building for 3-4 days, until space opens in the other one. I am to pay 30 rubles a day until the conference starts. He thinks about 10 Americans are coming—including LaFeber and Bailyn but also

some French, Czechs, etc.—so a fairly large meeting. He also says everything is cleared for archives and will take me over there Monday morning. [the archives of the foreign policy of imperial Russia is within walking distance of the hotel]

I am watching the return of Kuwaitis and journalists from Iraq just now on the news. Also quite a bit earlier on the upcoming referendum on the Soviet Union, interviewing people on the street. Soviet news seems to be coming down hard on Saddam Hussein today (according to V, who says he and his friends have relished and applauded every American military success. Plenty of hot water, so I had a nice tub shower (no stopper of course—nor soap, but I have some from the airplane). The television is a small, old, rather battered black and white. Before the news there was a film set in the 20s in Russia that featured an American mobster type with a huge machine gun, a cabaret with nude dancers, a bicycle race, etc. Also an ad to subscribe to... to the British ITV channel. Vladimir said he had just purchased a device to receive and is subscribing to CNN. I am in pajamas but I think I will go over to the other building to see if my passport is ready. The “service bureau” is there and open till 11:00. It is not clear when I am to pay. The “news,” which seems to be an hour long—film about JFK. Well, the bureau was closed but opens again at 8:00. I guess I will have a quiet evening in the room

[list of telephone numbers, omitted]

Coming in from the airport the area was covered with snow but in the it is hard to see and dirty. A long line at MacDonalds. There goes my Big Mac. There is now a Jazzy program on TV—sort of a Saturday Night Live. I am now in for this night

.....spent time reading. It is 2:00 p.m. Lawrence time. But on another channel naked young women at the seashore! This could be a nice room but it has the dingiest, dirtiest wall paper you can imagine—and it is peeling, but lace curtains and a Chinesey chandelier, and smells. No rug, rough parquet floor, desk with lamp,

Sunday morning, March 10

Well, I got a few hours sleep, 11:30 to 3:30, then alternately read and rested. It is now 8:00 and I will try the buffet on the 5th floor again shortly, then come back up for a little nap perhaps then walk around the Kremlin area, check on shop hours at the National, be back by 5:00. B. called late last night and will pick me up at 6:00 for dinner at his house—that should be nice. Obviously V is passing my phone number around. [One convenience of Soviet hotels is that the phone numbers have direct access outside, not through a hotel switchboard]

This is a long three-day weekend, the 8th being a holiday—women’s day. I had forgotten that. This is nothing new but goes way back before the revolution when it was celebrated widely in Europe. It was a key day in the February Revolution in Petrograd (by the Russian calendar then, March 8 fell in February). V called it a festival, also referring to Lent now being on.

It looks like a nice day—I can see the sun reflected in the window of a newish high rise across the street. A lot of busy traffic for early on Sunday morning. In unpacking found the Ms’ number.

Now I have buffeted. Pretty much the same thing as last night. Again, I learned too late about fresh cooked fried eggs—will save that for tomorrow. Buffets, I believe, and the buildings that they are in, must be rated on the basis of the way tea is served. Last time at the Academy of Sciences it was served with a tea bag, hot water from a samovar, and a neatly wrapped package of sugar. Here, the old-style glass filled with coarse sugar and tea poured into it from an old-fashioned kettle. I must remember not to stir it—a second one in the same glass was quite decent. What do you want for 5 kopecks (less than one cent)?

Today a five percent sales tax goes into effect, according to a sign I read. I picked up my passport that was registered from the other building. There was a one-and a half ruble service charge. I had no change but two-ruble notes were offered—was not offered

any change, was told it was “OK”! The news stand in the lobby was well stocked with the weekly apartment exchanges. May have to get one. I saw a Mickey Mouse comic book in Russian—on the front—it said it was published as a joint venture with a Danish company! No royalties for Walt Disney I assume.

The *militsiia* (traffic police) seem to be out in force—yesterday and today—for the holiday. Three big ones were in the buffet on the 5th floor for a hot meal—obviously just off the street. That reminds me that last night I saw an elderly woman trying to hold up and steer an obviously drunk man on the street. Some things don’t change. There is now a rationing of vodka again—one bottle a month but I understood that it was mainly because of an acute bottle shortage. In the buffet nothing available in bottles—no mineral water, Pepsi, or lemonade—all available last time—but in the corner are four tall stacks of cases full of empty bottles! I wonder how long they have been there.

Have had my afternoon outing (Sunday)—Metro to the Kremlin area and had planned to exit on Marx Prospekt near Natsional but police had closed it, ended up near Red Square and Bolshoi Theatre. A huge demonstration was taking place opposite the Natsional. I threaded my way through it. Polite, good humored crowd—many thousand. I could make out some of the speeches. Lots of blue, white, and yellow flags. Too packed around hotel to get in but it looked closed. Went on to Kremlin. Walked around the familiar sights, few people there. Day was sunny but hazy, about 35 degrees.

I then walked past Lenin Library to the Arbat—what a sight! This is the old street that is now closed to traffic as a kind of artists’ mall. Both sides, and some in the middle were lined with small stands selling lacquered boxes, *matroshkas*, icons, paintings, eggs, carved things, jewelry, etc. In one block I saw more of these things than in all previous visits, and it went on for blocks—art in the park several times over. A nice jazz combo at one end playing Saints and Glen Miller. Lots of people—half way down I encountered a long line and at the other end of it? Baskin-Robbins. I passed it up. But there was also another popular one called “Pinquin”, Italian ices.

There was such a maze of tourist stuff I would not know where to begin or what to trust, must to have been hundreds of *matroshkas*. 3 x 5 nice lacquered boxes for 750 rubles (\$100 at tourist rate), a brooch for 150 rubles. Quite a bit of ceramic stuff and samovars, new and old. Most sellers were young—on my passage along the whole street, I saw only a couple of sales, mainly lace. I was tempted by two nice old women selling white mohair shawls, but I only had fifty rubles with me. I may go back next Sunday. Time for a rest. The Metro worked fine, but seemed dingier, price still 5 kopecks (a fraction of a penny).

Monday, March 11

One more night. I seem to be able to sleep only in 3-hour blocks, one at the beginning, one at the end. I have had breakfast at the buffet. My hopes of *iatsnitsa* (fried eggs) were dashed when the buffetchik shook her head and pointed to two remaining hard boiled in a bowl. I took one. Five minutes later, when the last hard-boiled egg was gone, fried eggs were suddenly available. Had to get rid of the hard-boiled eggs first? Or I am not her favorite. Had my first this time Soviet coffee—served like the tea with lots of sugar in the bottom—and no milk.

Last night was interesting. B came to the hotel, not as I was expecting, by car—which was “*na remont*”, but by Metro—so we set off that way—a long ride to Timiriazev Station, which had just opened this weekend (the whole line), so B was unsure of his way. Long escalator out—new but already dirty. Then a longish fifteen-minute walk in the twilight over an icy, irregular path to his house.¹ Unfortunately I had worn my good leather shoes! House was warm and cozy. Liuda called it “familiar.” Met her best friend, Natasha, a pleasant white-haired woman, and Kolya’s sister, perhaps a little younger. While they prepared dinner B took me upstairs to his study for a “business talk”. Says he is impressed

¹ This was his father’s house that was built from sections of peasant houses brought in to land of the Timirazev Institute, where he worked.

with my paper and wants to publish it—for money this time. Other one not out yet, proofs expected during conference. He wants me to be the first non-Soviet consulting editor of *Amerikan Ezhegodnik*. We also talked about the archives project—wants it to be between him and me. He is better fixed to go with it because he can simply assign staff to it. We talked about financing and calling Pat Grimstead.

Dinner was very pleasant. Good wine, zakuski, tasty baked chicken legs with roasted potatoes. An apple pie—really a cake with merange on top and apricot reserves. Apples from his garden, apricots from Ukraine. I suspect the other ladies had helped prepare the food, concluded Bs like wine (bring bottle of wine next time but no vodka).

The conference is to be a big affair—about 15 Americans, including Dymytryshyn (Arizona), Pearson (Portland), LaFeber (Cornell), Bailyn, etc. most I do not know. Meals provided at Academy, reception for Americans at B's home (something different), concluding banquet and Bolshoi theatre. We will see how much of this comes off. Must get ready for the archives (Monday morning) and meeting V. A dull grey sky—like the city beneath it! The sweater idea for the archives was silly. I need the jacket pockets. Next time bring soap powder, basin stopper...

Back in the room at 4:20 eating a warm cheese pie—which must be a Soviet pizza—from kiosk at Metro. Quite filling, will be a nice fill in snack. Spent a couple of hours in Archives going over inventories and filling out orders but will be tomorrow afternoon before I can see anything—not surprised. The building is a new one but near the old one which has been torn down. Nice reading room, only a couple of people working there. Went from there down to Nattional—as I suspected, it was closed. So went next door to Intourist—not much of a berezka there. At a sitdown garden café I had a Heinikin (hard currency only), priced a small bottle of Scotch at \$27 and passed it up, but bought a bottle of Evian for a dollar. Walked across Red Square, admiring the vista. The place was awfully quiet—few people. Went in the far side of GUM and walked through the upper level—quite a few people there. Biggest lines were for a cosmetic kit (lipstick, finger nail polish, mascara) in a plastic bag, and for toilet paper. Latter was only 35 kopecks a roll and people were buying lots—8-10 rolls. A small Benneton, just outside the door, had a sign “30% off, hard currency.”

From GUM I strolled back by the ghostly Natsional and through some small streets with plaques of historical people—very 19th century. All of Moscow—save Kremlin and churches—was destroyed in 1812. Then up Kalinin Prospekt to Dom Knigi. Several people outside with a number of expensive items—a book in Russian on marketing, a dictionary of American idioms, then back to Arbat. Surprised to find at stands there with few people. Stores in Arbat were open today—antiques, souvenirs, art items. In stores, prices are marked.

Around Arbat Metro station stands were selling semi-pornographic literature, news sheets and pamphlets. I saw a large calendar in Russian featuring a woman wearing only the bottom of a string bikini, was a popular item. Returned via Metro. After writing some cards went out again (5:00) to mail them and walked up Leninskii Prospekt. The store nearest the hotel, where I have bought things before had some nice, old looking Palek boxes, one large one for 2700 rubles (\$350 by official exchange rate). Plenty of plastic bags—one in old Cyrillic pictured the Last Supper. One thing that seemed to be in abundance, surprisingly, here and at GUM, was disposable razors—Bic and Schick—and only 35 kopecks (5 cents) for a package of five. Also plenty of soap. I looked at a couple of food stores—pretty bare. Again, nothing in bottles, but lots of eggs, some poor-quality meat, no cheese or potatoes, lots of long cucumbers. At a kiosk outside brisk sales of lettuce. There seems to be no morozhenoe in town except at Baskin-Robbins and Pinquin in Arbat.

Mineralnyi voda appeared in the buffet tonight, so got two bottles. Met a young man from San Francisco, here to set up Peace-net, a computer network between US and USSR. I was interested in how historians could tie in. Called Khrushchevs, talked with Valentina, Sergei at the dacha, may call later, wanted me to come out to dacha for weekend, but have promised Saturday night to V. K. called, will pick me up at Metro to go to his apartment

on Wednesday at 5:00. I would guess we have cucumbers—they seem to be everywhere—even in buffet! (The goulash there was not bad.). I passed up USA Today (Friday's) at Intourist for \$2. Noticed a *Family Circle* and a *Mother Jones* and a New Testament. The contrasts and contradictions are at times mind-boggling.

There was a marvelous scene in Dom Knigi today—in one section two tables and shelves faced each other. On one side a sign said “Books about Lenin,” on the other a newish sign, “Religion.” Not a sole looking at books on Lenin, a crowd around religion. Went by again 15 minutes later—same thing! I also noticed a number of religious books in the old book section. Outside at a kiosk large bibles were selling for 100 rubles. I bought a nice book for Alyssa, “Tales of a Naturalist”, translated from Russian, published here and only 95 kopecks. I plan to take it easy tomorrow, go to the Archives at 1:00.

Tuesday, March 12

9:00—A good night's sleep, so maybe I am on Russian schedule now. I have the morning to kill, which I will do right here in the “comfort of my room,” which was quite cold when I got up this morning but now seems to be gradually warming up. I sprinkled some shaving lotion around so odors are not so noticeable (bring air freshener next time).

I have breakfasted at the buffet; someone should do a book on “Buffet Russia”, its patrons and personnel, with advice as to how to master them. A 30ish, stocky, heavily made-up, but not unattractive woman runs this one, at least in the mornings. She is really quite efficient and the line moves quickly. When I asked for fried eggs, she quickly asked the next person if he wanted them too, so she could do both at once. Nice to get them fresh cooked. The fare this morning was eggs, hard boiled or fresh fried (a choice this time), cucumbers (I gather you had to buy a whole one), cold cooked chicken (only hindquarters), tomatoes (whole), and sweet, stale pastry and, of course, bulochki (round rolls), also stale.

There is always a struggle for change after she “rings” it up on an abacus (that reminds me that one thing I saw on the Arbat the other day was a nice, fancy abacus). I think that if she had a plate full of small change she would still try to get you to pay with exact change, but the shortage of change is real. The cheap aluminum forks and spoons are there, but knives only on request. There are a small number of tables and chairs which however prove so far to be sufficient—eating silently with strangers—no one dallies. Everyone was having eggs, some three instead of the usual two. I forgot there was also some smoked fish left over from last night. No pepper in sight, but salt on each table. A 30ish young woman, also stocky, but without make-up was in charge of washing, or I should probably say “rinsing” dishes. They are not dried—and constantly in circulation. A real rush might produce a jam up as one would have to wait for another person to finish in order to have a plate. They come in various styles, sizes, and condition. Perhaps the miracle is that they always seem to have some food though the stores around here are nearly empty. I saw a nicely dressed older man fill his briefcase with food at the buffet, apparently to take home.

V said that the cost of living has nearly doubled in the past year, mainly for the extra that must be paid to get things outside the official stores. While salaries have gone up (his by a third, T's has doubled). He has just recently raised what he charges for tutorials. Yesterday near the archives I saw a large bulletin board covered with advertisements, the kind you see around KU with little slips with telephone numbers to tear off. Most were advertising various tutoring services, common for young people preparing for university entrance exams and from which V and his wife earn extra incomes (or it could be their primary incomes).

Clothing in stores is quite shabby and cheap looking and few are buying. Perhaps inventories are being run down in anticipation of big price increases coming in a week or so. I have seen a number of beggars, usually old women in Metro passageways, one pathetic one with a small child in the passage into Red Square yesterday. Quite a few people stopped to drop in coins, however. The Metro works, though the cars are the same and showing age. I have never had to wait more than two minutes for a train. Yesterday on the koltso (circle ring) they were running one minute apart—one begins to get antsy about

that. And not as crowded as I expected—usually a seat is available if I want it—but this is not rush hour and I walk to the archive. I have not tried busses since the Metro is much faster.

There seem to be a lot more dogs now. In B's area everyone seems to have one or two. In that area of dachas (B's first floor is built of logs, upper regular siding). It was built in the 1920s for faculty of an agricultural institute nearby. His father worked there (his grandfather was a prominent merchant in Voronezh province to the south of Moscow before the revolution). A nice winding path, surrounded by birch and pine trees, leading to B's house, was called "Professors' Path", but now is referred to as "Dogs' Path"! B's dog is a large mongrel, rather old, with a loud bark to greet every stranger (which is what it is for I guess), otherwise friendly. I do not see many cats but they are probably kept indoors. One nice looking kitten was incongruously parked at the top of an escalator in a busy Metro station, perhaps for sale. I assume it belonged to someone who works there.

I read part of B's paper which will kickoff the conference. It is quite a blockbuster! It pulls no punches in vilifying how Soviet scholars have distorted American history—and are still doing it! Someone (V?) said that Shevardnadze may attend opening session. Stankevich, the young deputy mayor of Moscow, is also on program, along with other liberal types. B has asked if I would respond—among others—to his paper. If this turns out, I will need to be careful.

6:00 in the evening, back from the archive—4 hours in, but the open hours are limited, so that will cut me back. For future reference: 9:30-5:00 MTTh; 9:30-3:00 WF. I suppose I should be going to the Lenin Library to work in the evenings, but I don't feel much up to the trek in the dark. The path to the archive is one of the grimmest and most depressing, roughly 7 blocks, a ten-minute walk, but fortunately in daylight. A lot of good stuff there—would take two months to do what I want to do. I found one interesting letter of Thomas Cottman of Louisiana, who was important during the Crimean War (1855) in Russia but then dropped out of sight and I never found any letters. Well, here was one written in 1871 from New York to the Russian Minister in Washington recounting his earlier exploits. An added note said he was writing on his son's stationery, another Thomas Cottman, who was an attorney in NY—that threw me off at first. Nice people at the Archive, try to be helpful, wish they were open more hours.

On the way back, I had a tasty pirog from a stand and found some regular Soviet ice cream, so things do change. Everyone says stores are empty—and they are compared to ours—but everyone is walking around with their bags full! I looked in at the neighborhood store. The big thing was toothpaste. Not a big line but it was moving fast, people buying 8-12 tubes, a year's supply—or to share with friends and relatives. I have a feeling it would not take a lot to bring the market out of scarcity for key items—like those Bic disposable razors everywhere. Probably everyone in Moscow and beyond now has a year's supply!

In the store two women were standing, looking bored with nothing to do in a dismal, sparse clothing section, while right next to them were two more women working their tails off with the toothpaste! Does anyone here know anything about managing a store? Cucumbers reached the street stands today. I suppose they will be gone tomorrow. But where did a million cucumbers come from all at once? Guess what's for dinner tonight? I've seen quite a few street cosmetic stands, the other end of the Gypsy mafia operation I'm told. And also all of these people standing around in the cold with a few books or matroshkas in front of them. Or flowers—nice tulip buds, carnations, etc., but not cheap—15-20 rubles for three. Sometimes it seems there are as many people selling things in a given outdoor space as people looking or buying. What a waste of everyone's time.

Even in the archives, people seem to come and go, only putting in a couple of hours. I guess that's why the limited hours are of little concern to most of them. Women sitting in a morozhenoe kiosks with a sign in front of them that says "net morozhenoe". At least saves people the time of asking. So the sun has set on another grey day in Moscow.

8:30 p.m. Something new in the buffet—sosiski (sausage), cabbage, and beet salad—and kifir! It comes in liter cartons, so I got one, only 50 kopecks—much more like buttermilk

than I remembered. It says fruity on it but I can't taste any fruit, and I did shake it up. It seemed to be going in a hurry, most people taking 2 or 3. The buffet crowd seems to be quite international tonight. An Englishman at another table. The person at mine appeared Mongolian; at another Vietnamese or Chinese (does not know Russian), and a German.

I guess the kifir will keep for a day. There is a small refrigerator in my outer room—where tub and toilet are, but I have not figured out how to work it, my guess is that it doesn't. It smells inside anyway. No call yet from Bob, said he would call last night.

7:40 a.m. Not a good night, not much sleep—and I thought I was adjusted—to the bathroom several times. Maybe too much kifir. Or all of those calls last night M. called and we had a long chat. She is going to Leningrad Saturday so I probably will not see her. Another grey day, around 33 degrees, wet streets but does not seem to be raining—a little drizzle maybe.

Bob is now on the TV (8:15) talking about how the West is looking at the referendum, more generally on US interest in USSR, about his most recent visit and his work on Eisenhower, etc. He says people should vote for referendum, for the union, as the best choice, that to vote “no” would be voting for civil war.

Thursday, March 14

9:00 a.m. Another grey day, a little snow has fallen. It was a very interesting evening at the K's. He met me at the hotel, then by Metro to Sokolniki. We walked through part of Sokolniki Park, past the big Ferris Wheel that we all rode many years ago. Nice in the twilight with those big, noisy birds, birches, new snow and icy paths. Their apartment was very nice and spacious and well furnished. Large entryway, where I changed to slippers provided, bath and toilet on left, full size kitchen on the right. At the end of the hall were two nice size rooms, one was Gennady's study, nicely furnished, the other a living-dining room, again rather spacious. In between the kitchen and the living room must have been the bedroom, which I did not see. There were two stoves, one electric, one gas, both with ovens. It was explained that electric blackouts were not uncommon. Gennady's wife, Vera, was very nice, well-groomed with a polished, sophisticated air... She has recently retired as a computer engineer (although Gennady said optical engineer, maybe both).

We had quite a feast: four different kinds of salad—cabbage and beet, lettuce and sour cream, cucumber and something else, and an interesting, very good congealed fish, salmon I think, covered with sprinkled hard cooked eggs—and freshly made hot piroshki! We had vodka and tomato juice in separate glasses, and narzan to drink, also delicious hot boiled potatoes with butter, cold ham, and then she had planned to cook pelmeni, but we were all so full, we cancelled it. And then hot tea and fresh apple pie! After that I could skip lunch today.

We also had a long lively conversation about Soviet conditions. They are definitely against the referendum. He is from Poltava in Ukraine, she from Leningrad. They insisted that I should leave the hotel and move in with them (the sofa opens up into a bed), and she also has an apartment in Leningrad that is usually empty. Whenever I (we) are in Leningrad we can stay there! The conversation was mostly in Russian with occasional clarifications in English, when my Russian broke down. I can understand better but speaking is still difficult.

The word I hear on the referendum to preserve the Union is predicted to be a 60% turn out with the vote in favor by 60%. If either are less it will be considered a defeat for Gorbachev.

Of the people I have polled: Bob —yes; G—no; N—yes; V—undecided. We also talked about salaries, universities in US, family (they have a daughter and grandson age 11. Her husband is a “market economist”; she a historian at the Academy of Social Sciences, in US history. I was given a book she published last year.

I have a sense that people who do research such as those with the academies and universities do not get such big salaries comparatively, but get better, bigger apartments (a study in lieu of an office somewhere. Anyway, I was surprised at the size and furnishings of this one. They had a washing machine in the bathroom, I noticed.

Friday, March 14

I had a good night's sleep. After getting home at 11:30 via metro and then a busy, productive day in the archives. The reading room, which was nearly full at one time today, is often left unattended, and sometimes I have to wait awhile for someone to come back to get more material. All the others working there seem to be Soviet scholars of various ages. The building is completely unmarked. One goes through an iron gate in back into a courtyard and finds a backdoor, then checks through with the security guard by showing a passport (my name is on a list on his desk), then up to the sixth (top) floor to the reading room where there are large desks, comfortable chairs, and those swing-levered lamps, but most people do not turn them on, preferring the dim room lights.

A little more snow this morning and colder, but then the sun broke through this afternoon. I came back to find a "maid" scrubbing the floor of the room, the first time it had been touched since I have been here. Clean towels but no sheets changed, but she got the refrigerator going. Took a walk down past Gorky Park, across the river, in the direction of the embassy—then to Progress Bookstore (books in English). Bought three more for Alyssa [she was working on an M.A. in environmental education at the time].

There is a craze of funny games on the street, i.e. games of chance. There is a state lottery, but also a lot of local, private ones—like pay to scratch off a ticket and win or most often lose; numbers games punch out cards, sort of a bingo lottery, etc. I noticed on television a carbon copy of "Wheel of Fortune" called "Field of Wonder". Some differences—no Vanna White—but same idea. There seems to be one channel that is all American adventure movies, but I can't get any sound—sort of HBO? The TV seems to have a cable hook up.

V called, has been busy all day trying to track down arrival times of other visiting historians—none of them sent telegrams as requested. Some airlines will not give out information. Communication is a definite problem. One couple wired that they were cancelling because of visa problems. He was unsuccessful in getting me into Lenin Library manuscripts because it would take several days. Drinking is now a problem, that is any kind of liquid. There is nothing to eat or drink in or around the archive. Would be nice to see a coke machine! I have not seen any Pepsi; last time there was lots.

Friday, March 15, 8:15 (the Ides).

Buffet was dreary this morning—nothing hot but tea or coffee. I had a hard-boiled egg, stale roll, pechenie (sweet pastry, also stale, and 2 cups of weak coffee. M called last night, plans made to join her, Nina, and Olga on a foray to the Izmailovskiy rynok on Saturday—to meet first car toward Lenin Library at Park Kulturny Station, 1:30, a common Soviet meeting practice. V is doing the same thing for our meeting Saturday night at Kursk station.

I've been here a week now—seems longer. Room is cold this morning—no heat. M said B missed his flight because of delays getting into Kennedy from KCI, and instead came Lufthansa through Frankfurt and arrived 6:00, about the same time I did, but obviously a more difficult routing. M and friends had to watch all the incoming flights until they found him, not an easy thing to do because of the perpetual madhouse at the Moscow airport.

6:00 p.m. Another day in the archives. It was snowing all the time I was there, but then stopped at the time it closed (about 3:00)—about 2 inches fell, very sloppy and slippery. Went down to Intourist to change money, but could not do it there—only at Rossiia! So will let that go awhile. I am living on borrowed rubles (50 from V, 100 from N). They do not respond to my hint to exchange the loan for dollars but would be happy just to give me more. It's the hotel bill I have to be prepared for (270 rubles I figure), but maybe other Americans will have surplus rubles. I was to get some for the conference but I don't know how many. The hotel is 30 rubles a night, I think, for none of the days (Academy pays for 5); that is \$5 a night by tourist exchange rate. I am eating on about 6 rubles a day (\$1), so Moscow on \$6 a day! But things are going downhill here—no hot water tonight and very little heat (30 degrees outside). Perhaps only worth \$5.

From Intourist, I went out to Novodevichi and tramped around the monastery in the snow—very nice, hardly anybody there. Looked in at the Berezhka, which is supposed to be the best in town. Still, few people, practically empty, high prices, little that is attractive. Orenburg shawls for \$40, perhaps not bad. Scotch \$14—good price. Palek boxes over 1,000.

I should make a list of things I should have brought: soap powder, more kleenex—it goes fast, toilet paper (little supplied), more bar soap (none provided), stopper for tub and basin, sweat pants and shirt for the room and sleeping on cold nights. I would like to wear sweaters during the day but I need coat pockets. Listerine. Perhaps vest sweater with pockets would do it for the archives.

TV on—I see Baker is in Moscow talking with Gorbachev. I passed up a *USA Today* at Intourist—\$2! I saw one for sale at the other building here for 2 rubles, but it was March 1 (I think I read that one). And Bush met with Mitterand today—much better world news on Moscow TV these days—but no basketball! 9:00. Quiet evening in room, heat back on, hot water vse poriadke. The main evening news, “Vremia,” comes on at 9:00, featuring tonight Gorbachev, appealing for yes vote on referendum—good performance!

Strangely, I have met no other US scholars here yet. There are usually some around—but now none in sight. At Intourist, all Russians and Germans, and the same here. Bob called with arrangements to meet on Monday for dinner with Nina at House of scholars. Also finally got through to N I (who was with us at K’s that evening) and plans for getting together next week *en famille*. Apparently, a lot of big names cancelling out of conference—I wonder why.

Saturday, March 16

A quiet morning in room, writing cards and reading. Went to meet M at Metro station but only Bob and Nina came. They said M called at last minute to say she was too busy. So the three of us went to Izmailovsky Park. This is the big flea market of Moscow. Lots of things from old icons and samovars, lacquered stuff, matroshkas (even plain un painted ones), many hand made things, old coins and stamps, paintings, carvings, old pictures and frames, cameras, etc. It operates on weekends. Quite extensive, prices much lower than on Arbat. Saw, or rather heard, other Americans there. Nina says price doubles if English is spoken. She was shopping for things for Olga to take to Luxembourg/Belgium next week. It was very wet from melting snow and cold out there. My feet got quite wet and cold—but and interesting excursion. At the market we had some very good shashlik—fresh lamb cooked on a spit over charcoal. V is coming by the hotel for me—so I need to get ready.

Sunday, March 17

9:30 A bright sunny and probably cold day. Spending the morning in the room—I may be changing rooms today—and trying to ward off a cold. I have had plenty of exposure! Last night at V’s was very pleasant. They live in a newish apartment building in an old section of the city (near the old German quarter) about 15 minute walk from Kremlin. Nice, small apartment, which they own, bought 15 years ago for about 1800 rubles, a co-op, now worth at least 60,000, perhaps 100,000 because of it being close to center, quiet neighborhood, etc. T, his wife, is a specialist on Russian language, which she taught in high school for several years but now works at the Academy institute on language. She is a party member, having been forced to join when she was a teacher—now resists joining the flood out of the party.

Low table in dining/living room was set with zakuskies, featuring a delicious fish salad (salmon), a smoked fish from Caspian, and olives, pickles and the orange (osetrina) caviar on bread. They apologized for no better! The next course was that mushroom dish I had before—mushrooms, sour cream, onions, and herbs cooked in small pans with handles—quite delicious and filling, sort of a thick soup, called “julienne.” Main course later was pork cutlets and mashed potatoes and slaw. Desert was cake, fresh grapes, and tea and sweet wines. One of the latter was a rare atar of Abkazia, a section of Georgia, made from small, black grapes called Isabella. It was poured from a cut glass flask that belonged

to V's grandfather and was returned to the family after he was killed at the front in 1916. I drank from the silver cup top, as suggested by V. Throughout the meal a nice view over old Moscow from the window (8th floor) with a large baroque church being restored. They sent me home with a nice doggy bag, which will keep me going today: grapes, caviar sandwiches!, and cake. Spent an hour also back in the room writing out my comments on B's paper, making them very general.

I walked up to the Donskoi Monastery this afternoon—pleasant but cold. I guess the temperature is ranging from 18 to 28 today. I then took the Metro down to the Intourist—paid \$4 for a bottle of Evian but better than the sodium laced Narzan. Back to get ready for the Kh pickup.

Monday, March 18, 8:30

Most of the other Americans arrive today, as I would be by the first invitation and visa approval. A nice sunny day. I have heard no results of election but it did not produce much excitement. Sergei Kh did not vote.

He picked me up by car coming straight from his dacha and arriving on time. Nice, spacious apartment, that is, big rooms but I think only three: living room, bedroom, and kitchen. We ate in the kitchen—a cold supper with red and white “cheap” Italian wines (no Georgian wines in Moscow?), very much *en famille*: Sergei, Valya, his sister Liuba, her son Iuri and his wife Elena. He seemed very young, is a computer student. His wife works at Istoricheskii Bibliotek (Historical Library). Conversation mostly in Russian or Ukrainian, light family stuff. I could not catch all of it. Found the evening somewhat tedious. Sergei spends most of the time at the dacha, Valentina stays at the apartment but sometimes goes out for the weekend (but she was there last weekend). Strangely separated but still much time together.

Valya had recently redecorated the place rather gaudily. It is very much like a museum with many paintings on walls, large malachite boxes, Chinese vases, large pieces of cut glass, all apparently having been given to or acquired by his father, a lot of things under glass and labelled! Three sculpture items by Neizvestny (who did one for the gravesite). A highlight was being served pomegranate juice. Sister, apparently younger, teaches acting. All understood some English but did not want to speak it. Off to the archive this morning, then for dinner with Bob and Nina.

9:00 p.m. Back from dinner which was very good and pleasant. It was in dom uchenikh (House of Scholars), which Bob says is the best place to eat in Moscow. It is on Kropatkinskaya Street (not far from the Anglo-American school.) It is like a country club, exclusive membership, payment to join, and so much per year. They have evening programs, the one tonight was a Soviet film, “Family and Love in America.” Would have liked to see it but dinner took too long, not really that long but a lot of conversation. We had the usual zakuski and Pepsi for a change, very good steak and mashed potatoes. This is an old former wealthy merchant's house, recently refurbished, lots of fancy rooms with inlaid wood tables. The I's very much at home there and know a lot of people. I was introduced to the director. They plan to take me to a ballet on Wednesday if nothing else intervenes.

I have a program for the conference. Tomorrow am “an expert” at the plenary session (which means no other presentations—all join for it) for B's paper. LaFeber gives a paper there too. On Wednesday I plan to sneak off to the archives. My paper is on Thursday morning. I expect to see changes though. For most of the time there are three sessions (and on Thursday I am listed to chair a session at the same time as my paper is scheduled at another session—Soviet style conference! But I have not seen the program for the foreign guests, though I have heard they are to be. B just called and wants me to give an address at the opening plenary session, since the person who was supposed to do this did not get his visa. Also to be interviewed on the main evening news! We will see. Be prepared for anything. I am listening to “Vremia” now, I am not going to sweat it. Another oddity: Nina and Bob mentioned tonight having a masseur in today to the home to give the grand baby a massage, apparently a Russian tradition and considered very important.

Tuesday, March 19, 11:00 p.m.

Busy day. Worked late last night on my extra presentations, then up early for the bus to the new Academy building not far up Leninsky Prospekt. Quite fancy big hall with simultaneous translation capability, fancy lighting, almost garish. The Institute of General History and North American Center are there. A Soviet scholar told me at lunch that the building, built by a Serbian company, was intended for all the high officials of the Academy, then it was discovered that the building contained much radioactivity (radon) and was given to the institutes. Institute scholars only come in twice a week and then usually only for a couple of hours.

The foreign scholars here are quite a mixed bag. Some have been here before, others have not. Some are rather distant—at least today. I like Walter LaFeber and Paul Dukes, who is from Scotland (Jay knows him well), and a pleasant chap from Nottingham. Nice guy from Georgetown U. Told me that KU got through the first round of the NCAA but plays Indiana next. A couple of couples: Jack Green and wife from Johns Hopkins, a man from City University of NY and his wife; Bradford Perkins, quite a well-known US historian; Basil Dymytryshyn and his wife are quite nice—he was on that panel at the Monterey conference about ten years ago; a nice man from Germany (here for the first time), but has been to a conference in Lawrence.

The new Academy building reminds me of MGU (the university building—high ceilings, lots of wasted space, three large assembly halls, color code, but lighter, more modern, on the Moscow River and near the Gagarin statue on Leninsky Prospekt. I was indeed interviewed by “Vremia” evening news; it comes in live at the Slavic Department at KU at noon—maybe someone saw me. Went to the opera at the Bolshoi for a new production of Tchaikovsky’s “Virgin (Maid) or Orleans”, about Joan of Arc. Very nice music, full choir, beautiful setting, closing spectacle and good seats in the orchestra of the Bolshoi—perhaps alone worth the trip! We went down by bus and back by Metro. Quite a challenge herding a bunch of people through the Metro. And quite a mob in trying to get something to eat or drink at intermission. Welcome to Moscow.

I have a lot to do tomorrow—back to the archives, proofread my article, and oh yes B wants to publish my paper here—which I will read on Thursday.

Wednesday, March 20

8:15 Line long at Buffet and it looked as if all they had was cold gulash, so I will make do with what I have in room.

10:30 p.m. The usual day at the archive—though more hectic as I near the end of my time here. Still quite a bit to do. At a store I pass on the way to the archive there was a very long line, longest I’ve seen since at McDonald’s the first day, but I could not see what was being sold—store had not opened yet.

I joined the group for the bus ride to B’s reception, which turned out to be quite an affair—about 25-30 people crowded into two smallish rooms with lots to eat and drink (apple and cranberry juices), pork cutlets, roast potatoes and salads, a fruit cheese and cream puffs. No tea, it took lots of glasses as it was. Kind of crowded and hot. Quite an effort by Mrs. B and friends.

They are working on the street outside tonight, which may make sleeping difficult. The room is beginning to smell like me rather than Russia; no change of linen in two weeks may be the reason. Apparently, the election results came out about as predicted but final figures will not be announced for several days. A big price increase, announced for April 2 has people worried.

Thursday, March 21, 10:30 p.m.

A long day at the conference. My paper was the first on the program. It seemed to be well received although it did not fit exactly the theme of the session. It was an interesting session, culminating in a woman from Crimea asking if I could get medicine for her father. I am now loaded down with mail for the US—the pony express revived.

The closing session was also interesting—some big brass—Georgi Arbatov of Institute of Institute of USA and Canada. He, I, and B were interviewed by TASS, the Soviet foreign news agency, so this may appear somewhere at home. Lots of friendly Soviets! I feel inundated and tired. Tonight was the closing banquet here at the hotel. A stand up affair with various courses served in close quarters—interesting assortment of people. I just had to back out of another K evening in order to go to N Ivanov's. I thought I had to.

Friday, March 22, 4:30 p.m.

Interrupted by V at the door bringing several books, more to carry. B is supposed to bring his package in the morning. Bob is coming by soon with something. I see G at six, then off to N's—the Moscow social swirl.

I got through all the material I had ordered at the Archive. No microfilming possible. Xerox copes at 24 kopecks a page, limit of 50, 3 months for delivery. I only had four pages; they did it on the spot, and no charge!

11:30 Very interesting evening. Met Nikolai and Natasha at first car Novoslobodskaja station, took street car some distance to his wife's parent's apartment. Her mother knew English fairly well, her father some. He is a diplomat, was consul-general in Berlin. Also his brother there who is a metallurgical engineer in the big industrial area in Ukraine. The grandfather, family name Berdanin?, after St. Bernard was most interesting. About 90, was Deputy Minister of Labor from 1946 to 1966—knew Stalin, Khrushchev, Brezhnev, especially Molotov, is writing his memoirs (was a member of a labor delegation to US years ago). Lots of discussion of current Soviet problems. How depressing everything is—as we sat around a small but attractive and comfortable apartment. Nikolai hopes to come to Providence (Brown) in the next year or so. They are quite a musical family. Nikolai in school was second on the accordion in an all-Moscow contest. His father-in-law plays the piano, Nikolai now the guitar. They all sang and played for me “Old McDonald's Farm,” as a nice farewell for me.

March 23, 8:15: I am all packed except for package from B who is late. We depart at 9:00, so there is still time.

END

About the author

Norman E. Saul is Professor Emeritus of History at the University of Kansas. Author of many works on Russian-American relations, he is also co-managing editor of *Journal of Russian American Studies (JRAS)*.

Book Reviews

Harvey Klehr, *The Millionaire Was a Soviet Mole: The Twisted Life of David Karr*. New York: Encounter Books, 2019. Xi + 257 pp. \$25.99. Paper.

A professor emeritus of Politics and History at Emory University, Harvey Klehr tried to pull together enough material to write a biography of a businessman who boasted that he had worked for the FBI and who was named as a KGB agent by a Russian journalist in 1992. Although Klehr was able to examine some FBI files, he did not succeed in gaining access to archives in Russia and Israel that might have shed light on his often mysterious subject. As a result, this unsatisfactory book is based primarily on newspaper and magazine articles, supplemented by extensive speculation (“perhaps,” “possibly,” “probably,” “most likely,” etc.). It does nothing to enhance the reputation of Klehr.

Born as David Katz to wealthy Jewish parents in Brooklyn in 1918, David Karr died in Paris in 1979 after having been married four times. What he did in the intervening sixty years is often unclear, though he appears to have accumulated a lot of money through a variety of deals. As a young man, according to Klehr, Karr “was close to the Communist Party of the United States” (p. 4), though the main evidence for this is that Karr wrote a handful of articles for the *Daily Worker* as a freelancer in 1938 (p. 11). During the Second World War, Karr worked for a time for the Office of War Information, then helped gather information for columnist Drew Pearson. In the following decades Karr worked in public relations and as a deal-maker.

While arranging deals between businessmen in the West and Soviet officials in the 1970s, Karr “was recruited by the KGB,” according to Klehr (p. 157). However, the evidence for this boils down to one document quoted by journalist Yevgenia Albats in *Izvestiia* in 1992, corroborated by an anonymous “former Soviet intelligence operative” who communicated with Klehr (p. 158). What information Karr provided to the KGB is unclear.

The credibility of Klehr’s highly speculative account is damaged by his confusion on a rare occasion when he becomes specific. According to Klehr, when Senator Edward Kennedy met with Soviet leader Mikhail Gorbachev in March 1990, he “complained that the results of the Geneva Summit [of 1985] had allowed Reagan ‘to slow down the process of movement to any positive results

in negotiations with the U.S.S.R.” and stressed the importance of increasing pressure on the Reagan administration (p. 167). Klehr appears to be unaware that Reagan and Gorbachev achieved positive results with the signing of the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty in December 1987 and that Reagan was no longer president in 1990. (The source he cites for his grossly misleading account is an article by Soviet dissident Vladimir Bukovsky and Pavel Stroylov in *National Review* in 2006.) Klehr then proceeds to indict Kennedy for having sought “to undercut the foreign policy of his own country” (p. 168). It escaped Klehr’s attention that by March 1990 President George H. W. Bush had finally agreed that the Cold War was over and that it was very much in the U.S. national interest to engage with Gorbachev on issues such as the reunification of Germany.

Was David Karr murdered in 1979? Klehr concedes that “there is no hard evidence” of that (p. 230). Earlier he writes that it was “the stress on his heart that killed him” (p. 226). Yet Klehr cannot resist closing his book with the assertion that if Karr was murdered “it was most likely at the hand of the KGB” (p. 230).

In his long scholarly career Harvey Klehr published a series of books about alleged connections between the Soviet Union and Communists in the United States. His attempted biography of David Karr raises serious questions about his judgment and reliability.

David Foglesong
Rutgers, The State University of New Jersey

Alison Rowley, *Putin Kitsch in America*. Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2019. 162 pp., plus notes, index, etc. \$27.95 Hardcover

Alison Rowley’s compact book is a delightful romp through the world of Putin kitsch – the material objects and virtual representations of Russia’s comically macho president that have flooded popular culture over the last several decades. Her examination includes traditional kitsch, such as action figures and puppets, but also examines more recent genres of kitsch, such as “fake fiction,” memes, apps, and games. Finally, Rowley also looks specifically at Putin-centered pornography. Her focus is American-made and American-consumed Putin kitsch so, in the case of pornography, the object of Putin sexual dominance is usually President Donald Trump. Her study is well-written and often funny, but there is much here to be digested.

Rowley explains that while the Russian Government could control the image of its leaders for most of the twentieth century, that power disappeared with the widespread use of the internet. In the age of the internet and social media, anyone can take the image of anyone else and transform it and manipulate it into social commentary, political satire, or straightforward humor. This reality combined with a growing focus on the masculinity of political leaders over the past few decades created an atmosphere ripe for the exploitation of Putin’s image. Rowley also argues – correctly, in my opinion – that the rise of sensational journalism, twenty-four hour news coverage, and the competitiveness for ratings meant that

American journalists cast off the polite limits of media coverage usually reserved for the president and other top officials, thereby opening the door for stories with sexualized content. (Imagine the media talking about the size of Jimmy Carter's hands/penis.) Rowley also points to the significance of companies like CafePress, that allow customers to create their own kitsch with print-on-demand options for t-shirts, mugs, and other objects. The advent of this affordable and easy-to-use tool created the possibility for the explosion of politically-motivated kitsch of all kinds. Rowley is particularly interested in the participatory nature of Putin kitsch, citing objects for sale in a variety of popular online markets, such as etsy.com, and argues that these items demonstrate the desire for young people for political engagement, albeit in this modern and often humorous way.

Rowley also examines the cult of the bare-chested Putin, a necessary part of any discussion of Putin's public image. She points out – much to my amazement – that the first photo of Putin without a shirt only appeared in 2007, but it has become the central popular image of the Russian president ever since and one of the most manipulated. Previous photos of American or Russian presidents rarely showed skin, and those that did were private family snapshots. Putin himself enjoys projecting an image of masculinity and strength, a human representation of Russia's power as a nation, so the various photos of Putin in exaggerated macho settings and poses are ripe for satire. The focus on Putin's qualities as a physical specimen of manhood quite naturally create the foundation for pornography or sexually-suggestive kitsch, as well. Rowley focuses her discussion of this type of kitsch on the popular juxtaposition of Trump and Putin which began with the "pornographication" of the 2016 U.S. presidential election and has continued ever since. In the wake of the Cold War, it should come as no surprise that the leader of Russia would be used a yard stick against which to measure the strength of the American president, and Donald Trump's self-aggrandizement, hyperbolic language, and fragile sensitivity about his image make the hyper-masculine Russian leader the perfect foil. Rowley examines the fake fiction and pornography that has emerged to mock and critique the Trump-Putin "bromance," noting that even the most sexually explicit examples are not meant to arouse, but to undermine the credibility of political leaders. The majority of these pornographic stories and images feature Putin as the sexually dominant partner with powerful pecs and a "magical penis," while Trump is in a subordinate role, sometimes openly requesting the action that is occurring. Rowley also notes that in the case of "slash," a type of fan fiction that focuses on an imagined homosexual relationship between two outwardly heterosexual men, the sexual power-play often takes place in political sacred spaces, such as the White House or the Kremlin, or uses the imagery of the national flag, thus intensifying the forbidden nature of the described interaction. Rowley repeatedly argues that all of these satirical and critical manipulations of Putin's image by Americans are an indication that there is a greater interest in political engagement than we might think, particularly among younger people. She readily admits, however, that it is hard to know the intentions of those who create these items.

Rowley's book is easy to read and packed with photographs, a critical element in a study such as this. Both its topic and its readability would make it a good selection for classroom use; many of the images will be familiar to students, even if they do not know exactly what they are satirizing. There is a lot to chew on in this little book. The subject is one that touches on many avenues for discussion and debate – the intersection of politics and popular culture, the focus on masculinity in political leaders, the shift in culture that allows for the public discussion of president pees and penises, and the explosion of politically-themed kitsch in the age of the internet. I highly recommend this book for scholars, students, and those interested in popular culture.

Lee A. Farrow
Auburn University at Montgomery

Eric Haseltine, *The Spy in Moscow Station: A Counterspy's Hunt for a Deadly Cold War Threat*. New York: Thomas Dunne Books, 2019. Xix +264 pp. \$29.99. Hardcover

A Vice President of Disney Imagineering in the 1990s who became Director of Research at the National Security Agency (NSA) during the George W. Bush administration, Eric Haseltine decided to write a book that focuses on one NSA officer, Charles Gandy. From 1978 into the 1980s Gandy worked at the US Embassy in Moscow, attempting to discover how the KGB was learning the identities of American spies in the Soviet Union. Gandy found that the KGB had placed bugs in many typewriters in the embassy that allowed the Soviet intelligence agency to read many embassy documents. According to Haseltine, that permitted the KGB and the Kremlin to gain insights into US arms control negotiating positions and to learn the sources of the embassy's information (such as dissidents and Warsaw Pact ambassadors). However, Haseltine never establishes that KGB typewriter bugs led to the deaths of Soviet citizens who spied for the United States. Under Secretary of State George Shultz, the State Department in 1985 issued a statement that there was no evidence that the Soviet Union ever took action based on information from the compromised typewriters. As a result, the ending of the book is anticlimactic.

The Spy in Moscow Station may be of some interest to students of Russian-American relations for its description of the intense friction and suspicion between NSA officers, who often had very high regard for Soviet technical intelligence capabilities, and Central Intelligence Agency officers, who tended to believe that the Soviet Union was technologically backward. It is also of interest for what it reveals about the persistence of a Cold War mentality among intelligence officers. In Chapter 13, "Lessons About the Russians for Today," Haseltine conveys Gandy's view that the KGB actually never stopped working against the United States and that in the post-Cold War era the Russians continue to "do to us what the Russians always do" (p. 233). That rather simple view of eternal competition

and enmity between the United States and Russia unfortunately appears to be widely held in the United States, not only in US intelligence agencies.

David Foglesong
Rutgers University

Fyodor Lukyanov, ed., *Russia and the Middle East: Viewpoints, Policies, Strategies*. Minneapolis: East View Press, 2019, xii. 341pp. Index. \$49.95, Paper.

Fyodor Lukyanov introduces his collection of articles from the respected journal *Russia in Global Affairs* (of which he is editor-in-chief) by quoting Russian president Vladimir Putin's response to a question about the wisdom of getting involved in Syria: "If a fight is inevitable, you have to strike first" (ix). Lukyanov then proceeds to discuss the importance of the fact that this quote was first stated about the Middle East. After all, the Middle East was not only one, but perhaps the most important Cold War hotspot from which the Soviet Union withdrew in Gorbachev's time (x). America's ascendancy and overreach in the region, intended to make it the birthplace of a new post-Cold War global order, ultimately led to the disintegration of the political status quo in the region exemplified by the chaotic transition from the Arab Spring to the Syrian Civil War, the disintegration of Iraq, and the rise of ISIS (x-xi). As America's Icarus spiraled, Russia's largely successful military and diplomatic campaign to prop up the Assad regime signaled the return of a "full-fledged superpower and top player" (x).

This narrative, presented in Lukyanov's preface, is an important glue holding together the vast and diverse articles plucked from the last 15 years of the journal's English-language publication. Approaching this text is not for the faint of heart, as it seems that the motivation for this volume is two-fold: to offer perspectives on how to imagine Russia's approach to the Middle East and to showcase the breadth, depth, and quality of articles published in *Russia in Global Affairs* pertaining to this topic. As a result, Lukyanov has chosen a thematic organization of the book, dividing it into three parts (Strategy, Tactics, and The Middle East as a Factor of World Order), each of which contains 2-3 (for a total of 8) sections, with each section containing 3-4 (totaling 28) articles. The sections each follow a chronological organization, which may serve as a workable model for political scientists, but for any historian reading this book it means creating and recreating the historical context in which these articles were written (2003-2018) 8 different times.

The articles range dramatically in their relevance to the topic as well. While most topics deal with Russia's relationship to Islamic terrorism, some articles touch on the Middle East tangentially, such as Aleksandr Novak's "Old Goals, New Tasks," which only mentions the Middle East on its last page (112). When discussing energy and natural resources though, it adds prestige and authority to include an article by the Minister of Energy if its relevance can be stretched to

touch the topic. The balance between prestige and topical precision is consistent issue throughout the book. The first two articles were written by former prime minister and foreign minister (and one-time presidential hopeful) Yevgeny Primakov, which establishes the credibility of the text early and sets a strategic vision for Russian foreign policy as it relates to the region and globe. Subsequent sections consist of luminaries such as UN disarmament advisor Vladimir Orlov or current Foreign Minister Sergei Lavrov flanked by more specific articles by individual commenters or teams of graduate students from the Higher School of Economics.

While the vast array of perspectives presented here do reflect the diversity of Russian thought on the Middle East, some of which are even critical of the current Russian government, certain themes emerge as threads running throughout the book. From the first article, the theme of multilateralism, preferably through a strengthened United Nations, is juxtaposed against the undesirability of American unilateralism by both Primakov (5-13) and Lavrov (269-277). Even the authors who look to America as a global leader (2010) challenge it to guide global governance away from a unipolar toward a multipolar world (31-33). Lavrov offers a predictable critique of NATO and the EU as relics of an obsolete world order based on the Cold War and suggests movement toward a new world order based on contemporary issues, which offers insight into Putin's foreign policy approaches aimed at disrupting the international liberal order. Andrej Krichovic and Yuval Weber try to assess the origins of the "new Cold War" by positing a disagreement between the US and Russia about when the new international order began—1989 or 1991 (306). This article sees both Russia's brinkmanship and American neo-containment policies as problematic and suggests that, if the US and Russia do not resolve their differences soon (2016), the primary victims will be in Syria and Ukraine (314).

Another core theme of the book is what Pyotr Stegny calls the "democratic fundamentalis[m]" (283) of the United States. Consistent with Russian foreign policy narratives under Putin's leadership, several authors ascribe the American failures in Iraq, as well as the inconsistencies of American responses to the Arab Spring, to a desire to support democracy wherever it arises but only insofar as it conforms to American values-laden understandings of democracy. Lavrov refers to this problem as the need to eradicate "double standards" in the name of democracy and respect the fact that other cultures have their own political traditions (270). More regionally specific examples include Yevgeny Satanovsky's argument (2011) that suggests US foreign policy is following theoretical (pro-democracy) dogmatism in response to the Arab Spring rather than Realpolitik, and in doing so is betraying its regional allies, such as Mubarak in Egypt and Israel in general. An article by Aleksandr Aksyonok and Irina Zvyagelskaya suggests that the Americans fell into the same idealistic trap when handling the transitions of power in the Ukraine as in the Arab Spring (254-265). This narrative is neatly summarized by Andrei Kortunov when he suggests that Russian foreign policy in the wake of the Arab Spring proceeded on the assumption that the American

juxtaposition of democracy against authoritarianism is a relic of the past, while the real global conflict is between “order” and “chaos” (335).

Lukyanov’s compilation of articles certainly paints a picture of both the complexity of Russian views pertaining to the Middle East and the coherence of perspective that informs them. However, the prevalence of members of the Valdai Discussion Club and the Russian International Affairs Council among the authors suggests a strongly governmental perspective. The diversity presented here is probably best considered a diversity within limits, thus making the text itself a good example of the narrative constructions behind Russian soft power efforts.

Erich Lippman
Saint Mary’s University of Minnesota

Bathsheba Demuth, *Floating Coast: An Environmental History of the Bering Strait*. New York: W. W. Norton & Company, 2019. \$27.95. Hardcover.

This is a striking and beautiful book. An environmental history of the Bering Strait, it is at the same time a poignant reflection on place, history, and ecology that uses Beringia’s modern history to question basic narratives and concepts of modernity. Demuth has been a regular visitor to Beringia since she was eighteen, when she “first heard the cranes, standing on the runner of a dogsled eighty miles north of the Arctic Circle” (1). Her book draws on both this personal experience with the region as well as research in a remarkable range of archives across Russia and the United States. She explores 150 years of Beringian history—native, Russian, Soviet, and American—with a consistent focus on “the relationship between ideal and material, between human and not.” “What power,” she asks, “do human ideas have to change their surroundings, and how are people in turn shaped by their habitual relationships to the world? Put another way, what is the nature of history when nature is part of what *makes* history?” (3). The question is, of course, basic to the field of environmental history. But Demuth’s keen knowledge of and respect for the particularities of Beringia as a place, expressed in vivid prose, make her book crackle with wonder and insight.

The book’s five sections tell the story of the encounter between Beringia and its peoples—the Inupiat, Yupik, and Chukchi who called it home—and the “foreigners” who came to the region over the course of the past century and a half. These foreigners, Demuth writes, “came to make energy predictable and enclose space” and “to make Beringia part of a linear, progressive idea of time” (309). It is by situating the more familiar human histories of capitalism and communism within the frames of ecology and energy flows that Demuth makes her most important contributions. She captures the encounters of a extraordinary and diverse cast of outsiders, capitalist and communist alike, with Beringia: hunters of whale, walrus, and fox; miners of tin and gold; bringers of domesticated reindeer from Chukotka to the wild caribou country of Alaska. Whether they pursued capitalist profit and thought in terms of “growth,” or whether they aimed to fulfill

a socialist plan and usher in a workers' utopia, these foreigners brought ideas that both transformed the region and were frustrated by it. Each of the book's five sections—"Sea, 1848-1900" "Shore, 1870-1960" "Land, 1880-1970," "Underground, 1900-1980," "Ocean, 1920-1990"—is a story of the meeting of modern visions and the material realities of Beringia that in their own, varying ways, exposed those modern visions as inadequate and limited.

Demuth is particularly effective in showing how Beringian nature has been an agent in the region's history. Fundamental to her story is that Beringian ecosystems were no mere backdrop against which human history and ideas took shape, but were themselves both products of and agents in that history—and shapers of those ideas. Demuth emphasizes that capitalism and communism alike seek to "ignore loss, to assume that change will bring improvement, to cover over death with expanded consumption." But "neither markets nor plans proved innately more rational. . . or better able to convert Beringia and its people to a shared, single future" (134, 310). Collapsing whale numbers undermined the assumption that greater efficiency brought growth. Wolves and climate fluctuation thwarted state efforts to control reindeer. Disturbed earth leached toxins. Humans who sought to improve the world by selling it the products of whales increasingly faced people who "wanted not just to save whales, but to save people *with* whales" (298). Foreigners came to Beringia with teleological visions of time, with notions of history that separated human from nature. But, writes Demuth, the "nature of history when nature is part of what makes it is cacophony" (314).

That memorable line is suggestive of the wonderful prose with which *Floating Coast* brims, the many turns of phrase that bear re-reading. Demuth's descriptions of time and place are carefully tuned and vivid: "swarming zooplankton in their many-splendored forms, from tiny shrimp and fish larvae to mythology rendered in miniature: hydras, tentacled crowns, things made of spines and sacs and jelly" (16); the rangifer migration that "is the tundra respiring, an oscillation of energy rather than air" (169); the work of a whaling crew to "transform the fat piled waist-deep in the blubber room and a deck fringed with baleen into salable goods" and polish off "gummy flesh with sand—no woman wanted a corset smelling of rancid leviathan" (35). Yet no less memorable than her conjuring of place and time is the urgency and clarity of the lessons, reminiscent of those of classic nature and ecology writing, that the story she tells about this place and time makes so clear. This is a book that deserves to be read widely.

Mark A. Soderstrom
Aurora University

Field Notes

ASEEES Sessions – November 2020 – Virtual Conference:

Russian Foreign Policy: Yesterday, Today, and Tomorrow

<http://tinyurl.com/ycqmcpg>

Media Meddling and Power

<http://tinyurl.com/ycygnzqx>

The South Caucasus in Global Turbulence and Uncertainty: Past, Present, and Future

<http://tinyurl.com/ybf2pk8f>

Latvian Collections at Major American Libraries

<http://tinyurl.com/yapqd92b>

Russian Youth in Comparison to their American Counterparts

<http://tinyurl.com/y7zp7rsg>

Saved! America Collects Fragments of Russian Imperial Culture after the Russian Revolution

<http://tinyurl.com/y8x9lq9n>

Cold War Propaganda in Construction

<http://tinyurl.com/ycgrc4vq>

Linguistics: Languages in Alaska in the Caucasus

<http://tinyurl.com/yd296jsj>

Art Exhibitions as Weapons of the Cold War

<http://tinyurl.com/yaku9dqq>

Blast from the Past: Nuclear Anxieties and Nuclear Threats in Russia and the Soviet Union

<http://tinyurl.com/y7ng45tc>

Missions to the East: Cultural Encounters between Outsiders and the Locals in Eastern Europe in the Wake of the Great War

<http://tinyurl.com/yay96vrc>

Great Power Influence in Central Asia

<http://tinyurl.com/y9jp32as>

Soviet and American Images of the “Enemy Number One”: Cold War Cinema and its Contemporary Reception

<http://tinyurl.com/ybuumm94>

**University of Pittsburgh –
Center for Russian, East European and Eurasian Studies
Distant Friends and Intimate Enemies: The US and Russia**

<https://www.ucis.pitt.edu/crees/content/distant-friends-and-intimate-enemies-us-and-russia>

In an 1881 letter to his Russian translator of the poetry collection *Leaves of Grass*, Walt Whitman wrote that, while the United States and Russia were “so distant, so unlike at first glance,” they nevertheless “so [resemble] each other” in their “historic and divine mission.” Whitman’s words would astonish many Americans and Russians today, since the living memory of relations between the two nations is one of conflict and animosity rather than concord and similitude.

Distant Friends and Intimate Enemies seeks to examine US-Russian relations in the context of concurrent historical developments from their beginnings in the early 19th century. This series is designed to provide a set of alternative narratives to the tendency of academics, policymakers, journalists, and the general public to only view US-Russian relations through a Cold War lens. The goal of the series is for these audiences to become more historically cognizant of the commonalities, just as much as the differences, between the two nations.

August 27, at 12-1:30 pm EST

Bonded in Human Bondage: Serfdom and Slavery

A Live Interview with

Amanda Brickell Bellows, New School

Alessandro Stanziani, School of Advanced Studies in the Social Sciences,
France

[Zoom Registration](#)

Wednesday, September 9 at 12:00 pm - 1:30 pm EST

Manifest Destinies: Russian and American Empire

A Live Interview with

Willard Sunderland, University of Cincinnati

Daniel Immerwahr, Northwestern University

[Zoom Registration](#)

Thursday, September 24 at 12:00 pm - 1:30 pm EST

From *Aliaska* to Alaska: Russian and American Colonialism

A Live Interview with

Bathsheba Demuth, Brown University

Ilya Vinkovetsky, Simon Fraser University

[Zoom Registration](#)

Thursday, October 8 at 12:00 pm - 1:30 pm EST.
Pogroms and Race Riots: Racial Violence in Russia and America
A Live Interview with
Steven Zipperstein, Stanford University
Michael Pfeifer, John Jay College of Criminal Justice, CUNY
[Zoom Registration](#)

Thursday, October 22 at 12:00 pm - 1:30 pm EST
Black and Red: African Americans and the USSR
A Live Interview with
Meredith Roman, CUNY Brockport
Minkah Makalani, University of Texas, Austin
[Zoom Registration](#)

Thursday, November 5 at 12:00 pm - 1:30 pm EST.
The Wired Cold War
A Live Interview with
Slava Gerovitch, MIT
Ekaterina Babintseva, Harvey Mudd College
[Zoom Registration](#)

Monday November 9 at 12:00 pm - 1:30 pm EST.
America through Russian Eyes, Russia through American Eyes
A Live Interview with
Dina Fainberg, City University of London
Victoria Zhuravleva, Russian State University for the Humanities
[Zoom Registration](#)

Americans in Revolutionary Russia

Americans in Revolutionary Russia is focused on bringing back into print the observations and experiences of Americans who were witnesses to war and revolution in Russia between 1914 and 1921. There were numerous accounts by Americans from a variety of perspectives. These men and women offer a rich perspective on the tumultuous events that gripped Russia during this time. Most of these books have not been republished since they were first issued a hundred years ago. This series offers new editions of these works with an expert introduction, textual notation, and an index.

See the link below for current list of publications:

https://slavica.indiana.edu/series/Americans_in_Revolutionary_Russia